

СТЕЛЛА ТАК

РИТМ
НАШИХ
СЕРДЕЦ

ТЫ – МОЯ ЛЮБИМАЯ
МЕЛОДИЯ

18+

Стелла Так

Ритм наших сердец

Серия «Young Adult. Фэнтези и романтика Стеллы Так»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64874426
Ритм наших сердец: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-120595-9

Аннотация

Музыка для Саммер – вся жизнь. Девушка невероятно талантлива. Однако никто не подозревает, что она тайно пишет мелодии для песен своего брата-близнеца Ксандера, скандального диджея.

Скоро состоится знаменитый музыкальный фестиваль, но без помощи сестры Ксандеру не победить. Поэтому, когда Саммер ссорится с единственным близким другом, а жизнь с матерью становится просто невыносимой, она соглашается приехать к брату в Нью-Йорк.

Они записывают новый хит, и Саммер знакомится с главным конкурентом своего брата – Габриэлем. Парень нервнрует ее своим обаянием, наглостью и тем, что никогда не упускает возможности пофлиртовать с первой встречной. Но, проводя много времени вместе, эти двое становятся ближе. Девушка

понимает, что чувствует к нему намного больше, чем просто симпатию. Но можно ли довериться Габриэлю и не остаться с разбитым сердцем?

Содержание

1	6
2	26
3	49
4	71
5	81
6	96
7	105
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Стелла Так

Ритм наших сердец

Stella Tack

Beat it up

© Беляева Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

– Звучит просто кошмарно, Саммер. У меня сейчас кровь из ушей пойдет.

Я с улыбкой подняла глаза. Мои пальцы застыли в квинте¹, эхо которой продолжало разноситься по музыкальному залу. Под кончиками пальцев еще ощущалось тепло от нежной слоновой кости, и чтобы вернуться в здесь и сейчас, мне пришлось пару раз моргнуть. При этом я взглянула на часы, которые висели над открытой дверью в спортзал. И вздрогнула, когда поняла, что сейчас почти половина восьмого. Я играла больше четырех часов, и... мое внимание привлек парень с волосами песочного цвета, который прислонился к двери и криво усмехнулся мне.

– Черт! Я пропустила ужин! – вскричала я.

– Да... в очередной раз, – вздохнул Итан и оперся плечом о дверной косяк. Поло Lacoste натянулось у него на плечах, а волосы выглядели слегка влажными, как будто он только что принял душ. Когда парень подошел ближе, моего носа коснулся знакомый запах мыла и свежескошенной травы.

– Ты тренировался? – поинтересовалась я немного смущенно, взглядом скользя вниз к его шортам.

– Ага. – Итан остановился передо мной, скрестив руки на

¹ Квинта (с лат. quinta – «пятая») – музыкальный интервал шириной в пять ступеней; обозначается цифрой 5. Квинта имеет несколько разновидностей.

груди. – Поскольку у тебя, судя по всему, имеются более важные занятия, мне пришлось найти, как убить время.

Он недовольно посмотрел на меня, а затем наклонился ближе. Широкие плечи и бицепсы, в этот момент отчетливо выделяющиеся под одеждой, появились благодаря увлечению спортом, и в последнее время я ловила себя на мысли, что тайком пялюсь на него и гадаю, когда он успел стать таким мужественным. Мне не хотелось использовать слово «горячий», потому что находить Итана сексуальным – это все равно что находить привлекательным собственного брата, к тому же я знаю, как эти двое выглядят, когда засовывают себе в нос картошку фри.

– Прости, я совсем забыла о времени, – предприняла я слабую попытку извиниться, водя пальцем по откинутой крышке пианино. Блестящий черный лак тонким слоем покрывала светлая пыль.

– Никогда бы не подумал, – поддразнил меня Итан, а затем всем своим двухметровым телом плюхнулся рядом со мной на крутящийся стул, который оказался настолько узким, что мне практически пришлось сесть парню на колени, чтобы не упасть. – Как хорошо, – пробормотал он и начал рыться в своем старом синем рюкзаке, – что я хороший друг и знаю, что, когда Саммер Прайс играет на пианино, она забывает обо всем на свете, включая еду, питье и дыхание.

Он резко вытащил руку из рюкзака и сунул мне под нос слегка помятый бутерброд.

– Эээ... спасибо... Итан, не хочу показаться невежливой, но как давно он там лежит? – с подозрением спросила я, взяв хлеб кончиками пальцев.

Итан весело фыркнул и достал второй бутерброд. Тот выглядел еще хуже моего.

– Даренному коню в зубы не смотрят. Радуйся, что хотя бы один из нас позаботился о том, чтобы ты от голода не упала со стула.

– К сожалению, последнему даренному коню я обязана пищевым отравлением, – поддразнила теперь уже я, начав при этом распаковывать бутерброд.

В нос ударил запах пастромы и майонеза, и желудок тут же заурчал. Итан, без сомнения, прав: без него я бы умерла с голода. На самом деле я даже не помнила, завтракала ли сегодня. Точно, завтракала! По крайней мере, если печеньки можно считать завтраком.

– Это было не пищевое отравление! – Итан достал два маленьких пакетика сока и в мой сунул соломинку, словно я маленький ребенок.

– Ну конечно, я просто так неделю пролежала в постели, – рассмеялась я и сделала глоток прохладного яблочного нектара. Сладкий сок коснулся моего языка, и туман в голове, который неизменно вызывала музыка, постепенно рассеялся.

– Нет, это был весенний грипп. Тогда все им болели, – весело проговорил Итан, а затем низко наклонился и без спро-

са отпил через мою соломинку. Он делал так с тех пор, как мы познакомились, так что это меня не очень-то беспокоило, но тем не менее я быстро отодвинула сок на безопасное расстояние. Потому что если Итан начинает пить, то для меня в пакетике редко что остается.

– Как прошел твой день? – сменила я не совсем приятную тему и откусила бутерброд одновременно с Итаном.

– Хоро... – начал он, но не закончил предложение.

– О боже, – с отвращением протянула я, ощущая затхлый вкус во рту.

– Ужасно на вкус, – с набитым ртом согласился со мной Итан.

Мы оба поперхнулись. Я выплюнула все обратно на фольгу и тут же рассмеялась, потому что нос Итана становился все зеленее и зеленее.

– Видимо, бутерброды провели в рюкзаке гораздо больше времени, чем я думал, – выдавил он.

Я жадно глотала сок, чтобы избавиться от привкуса испорченного хлеба. Кто бы мог подумать, что пастрома может быть такой противной?

– Хорошо, план Б. Я, кажется, видел яблоко, может быть, оно все еще там, – сказал Итан и, к моему ужасу, снова полез в недра своего рюкзака.

– Господи, Итан, пощади! – Я вытащила его руки из этого хранилища деликатесов и отчаянно сжала их. – Возможно, оно просто убежало на своих двоих. Не будем больше ничего

есть, пожалуйста.

Парень рассмеялся, отчего искорки зажглись в его темно-карих глазах. Их миндалевидный разрез напоминал о том, что часть семьи Итана приехала с Филиппин. И пусть его кожа слегка отливала бронзовым, но от отца ему достались темно-русые волосы, которые после душа цветом походили на мокрый песок.

Итан лишь крепче сжал мои ладони и нежно провел большим пальцем по костяшкам. От этого действия я ощутила теплое покалывание. Притяжение, которое в последнее время меня все больше раздражает. Для Итана совершенно нормально касаться меня. Мы обнимаемся, когда вместе смотрим телевизор или держимся за руки, когда гуляем, да даже регулярно спим в одной постели. Но за последние несколько недель между нами что-то неуловимо изменилось. Особенно когда он прикасается ко мне. И уж не знаю, то ли потому что он делает это чаще, то ли делает это каким-то новым способом, но я каждый раз реагирую смесью растерянности и волнения с легкой ноткой смущения.

Поэтому я поспешно отпустила его пальцы и принялась перебирать лежащие передо мной нотные листы, над которыми трудилась последние несколько часов. Должна была получиться небольшая соната, но до запланированных десяти страниц мне не хватало еще двух. Музыка давалась мне сегодня немного труднее, чем обычно, о чем свидетельствовали многочисленные изменения в нотах и перечеркнутые стро-

ки.

Итан одарил меня своей фирменной улыбкой и медленно опустил руки.

– Может, нам лучше сходить в кафе? Тайсон и еще несколько однокурсников звали меня.

Я помедлила, снова посмотрев на часы. Пятница. Сегодня в УСА, Университете Северной Аризоны, проводится много вечерних курсов, и столовая наверняка будет забита людьми. Не то чтобы я имела что-то против Тайсона или людей в целом, но шум, который они обычно производят, заставляет меня немного сомневаться.

Когда Итан заметил мои колебания, в его глазах засветилась нежность. В такие моменты он всегда напоминал мне Бэмби.

– Не самый лучший день? – обеспокоенно поинтересовался он.

– Не особо, – пробормотала я, наблюдая, как тень разочарования скользит по его лицу.

– Хорошо, тогда мы просто пойдем ко мне домой, да? Пятница – день мясного рулета, а я люблю мясной рулет, особенно тот, что делает моя мама, – сказал он, вставая.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки, испытывая угрызения совести. Уже в третий раз за последние две недели Итану придется провести вечер наедине со мной, хотя совершенно очевидно, что ему хотелось бы встретиться с однокурсниками. И дело даже не в моем нежелании проводить

время с Тайсоном и другими ребятами. Все друзья Итана классные и общительные, – ну, кроме Тайсона, – только в последнее время я еще острее, чем обычно, реагирую на шум. Головная боль не дает передохнуть и заставляет меня терять не только самообладание, но и сосредоточенность. А это, в свою очередь, выливается в ту халтуру, которую я кропаю в последние дни.

В любом случае это нельзя назвать музыкой.

– Ты ненавидишь мясной рулет, особенно тот, что готовит твоя мама, – напомнила я.

– Все уже не так плохо. По крайней мере, она перестала делать его из тофу, – солгал Итан, хотя мы оба в курсе, от кого он унаследовал отсутствие таланта к приготовлению даже мало-мальски съедобной пищи.

Я вздохнула, аккуратно укладывая нотные листы в папку и пряча ее в сумку. На всей поверхности яркой ткани Итан нацарапал небольшие забавные комиксы. Некоторые из них настолько стары, что их уже и не разглядишь. Итан всегда невероятно хорошо рисовал. Когда три года назад мы поступили в УСА, я не сомневалась, что в качестве основного предмета он выберет изобразительное искусство. А потом Итан заявил, что вместо этого его выбор пал на спорт. Я даже сначала подумала, что он так шутит. В то время из него был такой же спортсмен, как из меня – одаренный художник, то есть никакой. Тем не менее он занялся спортом, и не успели мы оглянуться, как занятия превратили Итана из долговязого,

тощего и невзрачного парня в высокого, мускулистого и одного из самых популярных студентов УСА.

Как-то неожиданно его окружили новые друзья, среди которых оказалось и немало девушек, и я немного забеспокоилась, что могу остаться в одиночестве. Но Итан ни на минуту не перестал быть моим лучшим другом. Его не волновало, срывается ли из-за этого график тренировок или нужно что-то зубрить перед экзаменами, не волновало, встречается он с кем-то или нет: каждую свободную минуту Итан проводил со мной. И так всегда. А если кто-то из его подружек жаловался на это, она недолго оставалась в этой роли. Итан – самый преданный и любящий человек из всех, кого только можно пожелать рядом. Если он любит, то делает это всем сердцем. Я же только мешаю ему. Поэтому один раз, единственный раз мне все-таки следовало взять себя в руки. Ради Итана. Потому что я у него в долгу.

– Знаешь что? – нарушила я тишину, решительно перекидывая сумку через плечо. – Пойдем в столовую.

Итан удивленно посмотрел на меня.

– Что? Нет, ты не обязана, Саммер. Я понимаю, если ты нуждаешься в отдыхе. Особенно если тебе плохо.

– Со мной все в порядке, – солгала я, вцепившись в него.

– Но...

– Никаких «но». Если я не буду общаться с людьми, то в какой-то момент превращусь в пещерного человека и начну издавать только хрюкающие звуки. – Я решительно хлоп-

нула крышку пианино, на мгновение встретившись взглядом со своим отражением. Длинные светлые волосы собраны в тугую пучок на затылке, карие глаза немного покраснели от усталости, а на подбородке появилась небольшая ямочка, смягчая черты моего довольно обыкновенного лица.

– Все в порядке? – Итан нежно погладил мою шею, заставив меня вздохнуть.

– Да, пойдём...

Я повернулась спиной к пианино и вслед за другом покинула музыкальную комнату.

Обычно требуется заранее записаться, чтобы практиковаться здесь. Однако у меня имеется своего рода специальное разрешение, и я могу играть здесь, когда пожелаю. В конце концов, должно же быть хоть какое-то преимущество у музыкального вундеркинда в УСА.

Итан одарил меня ласковым взглядом. А потом взял меня за руку и сжал ее. Сначала один раз, затем еще. Наш тайный знак, говорящий о том, что мы любим друг друга. И пусть это банально, но в шестилетнем возрасте нам было все равно. И теперь, по-видимому, тоже.

– Спасибо, – только и сказал он, целуя меня в щеку.

В животе снова родилось покалывание. Я криво улыбнулась ему, пока мы шли в столовую. В учебе в небольшом университете, таком как УСА, есть свои преимущества. Например, не нужно каждый раз проходить несколько километров, чтобы добраться из одного конца в другой. УСА состоит из

четырёх старых кирпичных корпусов, соединённых современными стеклянными переходами, через которые просматривается мощёный двор. Поскольку сегодня стояла ужасная погода с висящими низко над землёй облаками, то на улице уже стемнело, и коридоры освещало несколько ярких огней. Шум столовой был слышен уже в здании Тернхилла, где проходили занятия по экономике. Итан, рассказывая мне смешные истории о своём профессоре биологии, неосознанно повысил голос.

– Сегодня он снова превзошел самого себя. Мы с Тайсоном сидели в первом ряду, и все равно понадобился бы слуховой аппарат, чтобы понять его. Между тем мы уже не уверены, это его гигантская борода проглатывает все звуки или он страдает логофобией². Ставки все еще принимаются, так что ты можешь поучаствовать в любое время.

– Я бы поставила на бороду, она выглядит так, как будто на его лице умер небольшой медведь, – отозвалась я, невольно усиливая хватку на руке Итана, когда в поле зрения появилась столовая. А потом медленно вдохнула и выдохнула. Я могу это сделать.

– Как, по-твоему, он выглядит без растительности на лице? – поинтересовался Итан.

Из столовой донесся громкий, пронзительный смех, и

² Логофобия, или глоссофобия (от др.-греч. λόγος – слово, речь, или др.-греч. γλῶσσα – язык) – навязчивый страх перед речью, связанный с логоневрозом (заиканием) и мутизмом. Имеет разные варианты.

что-то с грохотом упало. Я вздрогнула, когда звук больно ударил по ушам, и незаметно нащупала беруши в кармане. Маленькая коробочка все еще лежала там, куда я положила ее сегодня утром. И одно только знание о том, что она на месте, успокоило меня до такой степени, что я сумела сделать шаг в столовую. Один, другой, затем еще один, пока я незаметно разглядывала присутствующих, слушая болтовню Итана. На самом деле здесь оказалось не так много народа, как я опасалась. Было занято всего около половины столов, да и большую часть шума создавала пара первокурсников, которые теперь затихли на середине разговора и таращились на меня округлившимися глазами.

– Эй, вундеркинд, мы здесь, – крикнул Тайсон.

Класс. Без сомнения, он не смог удержаться от того, чтобы сообщить всем, кто только что вошел в помещение. Как-то в столовой все прекратили ужинать и уставились на нас. Напряженное внимание было мне почти так же неприятно, как раздававшийся до этого шум. Итан сделал вид, что ничего не замечает, но все же немного ускорился. Когда мы наконец пробрались сквозь джунгли столов и стульев, Тайсон вскочил и поклонился мне, взмахнув руками.

– Миледи, пожалуйста, позвольте мне предложить вам мое скромное место. Как всегда, для меня невероятная честь обедать с вами.

– Спасибо, Тайсон, это очень любезно с твоей стороны, – весело ответила я и устроилась за столом, в то время как он

схватил другой стул, развернул его спинкой вперед и сел.

– Эй, чувак, не устраивай такой театр, это меганеловко! – проговорил Итан и опустился рядом со мной.

– Неловко? – удивился Тайсон, потрясенно распахнув голубые глаза. – Я и неловко? Пардон, господин, кажется, я ослышался. Во всяком случае, мое обращение...

– О, перестань трепаться, Тай, – прервала его Шейла, девушка с розовыми волосами, и отвесила студенту-актеру крепкий подзатыльник, заставив его вздрогнуть. – Прости, Саммер, мы только прошли Шекспира, и с тех пор Тай считает себя Гамлетом.

– Ай! Шейла, это физическое насилие! – причитал Тай, лихорадочно пытаюсь привести в порядок свою прическу.

– Все в порядке, Шейла, – заверила я, заправляя прядь медово-русых волос за ухо. – Я же знаю Тайсона.

– Его это равно квадратному корню его большого рта, – пошутил Итан, вытаскивая бумажник из кармана. – Как обычно? – спросил он. Я лишь кивнула, и парень отправился за едой.

– Боже, – вздохнула Мэй, без стеснения провожая Итана взглядом. О ней я знала лишь то, что девушка училась предпоследний семестр и посещала курс актерского мастерства вместе с Таем и Шейлой. – Интересно, это они на занятиях прорабатывают ягодичные мышцы? Или он всегда был таким аппетитным?

– Понимаю, о чем ты, – рассеянно отозвалась Шейла. –

Я все время пытаюсь придумать, как проникнуть в художественный класс. На следующей неделе будут рисовать с натуры, а Итан выступит в качестве модели.

Мы с Тайсоном переглянулись. Я привыкла к тому, что рядом с Итаном все время крутятся девушки. Но, как уже упоминала, я все еще помню, как он в десять лет тыкал себе в нос картошкой фри. Они – нет.

– Меняйте тему, девочки, иначе я весь вечер не смогу выбросить из головы задницу Итана, – проворчал Тай.

Шейла одарила его милой улыбкой.

– Ревнуешь?

– Скорее смущен. Из-за вас, между прочим!

– В тебе точно говорит ревность, – поддразнила Мэй.

Они рассмеялись, и мне пришлось согласиться. Тем более Тайсон выглядел так, будто хочет задушить этих двоих. Вместо этого он шмыгнул носом и положил руку мне на плечи.

– Вы мне больше не нравитесь. Моя новая лучшая подруга теперь Саммер. Давай, Саммер, будем вместе игнорировать простых смертных.

– Простых смертных? – возмутилась Мэй.

Тай усмехнулся ей.

– Ну, насколько мне известно, это не ты на прошлой неделе выиграла премию Джинны Бахауэр в Солт-Лейк-Сити.

Ну вот опять. Я невольно вздохнула, а затем слабо улыбнулась.

– Безумие, – вырвалось у Шейлы. – Ты действительно по-

бедила? Разве это не одна из самых престижных премий в Штатах? – поинтересовалась она, явно впечатленная.

– Да, я победила, и да, самая престижная, – подтвердила я, бросив на Тайсона пронзительный взгляд. – Даже если об этом не будет объявлено до следующей недели.

– Кто это сказал? – небрежно махнул рукой он. – Все должны знать, какой гений сидит с нами за столом.

– О, я думаю, все уже в курсе, – пробормотала Мэй, покосившись на меня.

– Все в курсе чего? – осведомился как раз вернувшийся Итан и, нахмурившись, посмотрел на Тайсона, чья рука все еще приобнимала меня за плечи.

Тот ответил угрюмым взглядом, двусмысленно шевельнув бровями.

– Что твоя маленькая Саммер в Солт-Лейк-Сити отшлепала по заднице всех трудоголиков мира музыки! – усмехнулся он.

– Зачем ты только рассказал ему об этом? – страдальчески спросила я, пытаюсь стряхнуть руку Тая. Что, впрочем, оказалось столь же трудно, как избавиться от осьминога. Только когда я его ущипнула, парень, вскрикнув, отпустил меня.

– Прости. Вчера меня просто распирало от гордости, – смущенно признался Итан, подавая мне еду. – Но клянусь, я больше не доверю ему ни единого секрета.

– Чушь собачья, я видел запись твоего выступления, Саммер. Ты была великолепна, – заверил Тайсон, призывно гля-

дя на меня. – Наши дети были бы не только безумно красивы, но и невероятно талантливы. Как насчет нас? – Он снова поднял брови и быстро отразил следующий удар Шейлы. – Ай! Ты сегодня имеешь что-то против меня? – пожаловался он.

– Ты снял его? – укоризненно поинтересовалась я у Итана, но тот лишь одарил меня одним из своих обезоруживающих взглядов. Со вздохом я потянулась за своим буррито.

– Это было настолько гениально, что я не смог не снять это, Сэм. Ты обошла всех в зале.

– Ты присутствовал на выступлении, Итан? – удивилась Мэй, ковыряя вилкой в салате.

Итан откусил бургер и кивнул.

– Да, я всегда присутствую на выступлениях Саммер, – произнес он с набитым ртом.

– О, это так мило с твоей стороны, – вздохнула Мэй, хлопая своими явно накладными ресницами.

Итан лишь пожал плечами.

– Скорее, само собой разумеющееся. Кроме того, Саммер нужен человек, который найдет для нее дорогу, иначе она заблудится.

Итан рассмеялся, когда я ткнула его локтем в бок.

– Вовсе нет, – попыталась защититься я, хотя мы оба знали, что он прав.

В чужом городе вероятность того, что я окажусь на хоккейном катке вместо концертного зала, была довольно вы-

сока. Я терялась везде, кроме Флагстаффа. Поэтому нуждалась в знакомом окружении, покое и порядке. Все необычное заставляло меня нервничать. Раньше мои родители иногда находили время, чтобы сопровождать меня между собственными выступлениями. Сейчас я с теплотой вспоминаю, как они стояли в первом ряду и с сияющими лицами аплодировали мне. С акцентом на прошедшее время. За последние несколько лет многое изменилось, и внимание, которое раньше мне уделяли родители, стало таким же хрупким, как и их брак.

Со мной остался только Итан. Без него я бы совсем потерялась. Он стал константой в моей жизни. Он стал моим порядком. Я улыбнулась, встречаясь с ним взглядом, и тут же услышала мечтательный вздох Шейлы.

– Ты такой милый.

– Да, чем-то похоже на старую супружескую пару, – заметил Тайсон.

– Мы друзья, – уточнила я.

– Вы идеальная пара, – возразила Шейла.

– Вас называют королем и королевой кампуса.

Я как раз жевала, но, услышав это, остановилась. Желудок болезненно сжался. Осторожно отложив последний кусок на пластиковую тарелку, я аккуратно вытерла пальцы о салфетку.

– Это все равно что встречаться с братом, – произнесла я, вздрогнув.

– Я же не так плох, как Ксандер, – нахмурился Итан.

– У тебя есть брат? – с любопытством спросила Мэй.

Я только кивнула и сделала большой глоток воды. Необходимо немедленно сменить тему. Делать вид, что не... при-
творяться...

– Даже брат-близнец, – возвестил Тай.

А-а-а!

– Тайсон! – резко одернула я, но парень оказался всецело
поглощен тем, чтобы продолжать сплетничать.

– И не только это. Угадайте, кто он.

Я застонала, когда девушки посмотрели на него большими
глазами.

– Тай, прекрати, – предупредил его Итан.

– Он тоже играет классику, как и ты? – поинтересовалась

Шейла.

– Нет, не играет, – ответила я, видя, как глаза Тайсона
загорелись от предвкушения сенсации.

– О нет. Брат Саммер – Ксандер Прайс. Ты его знаешь.
Вчера ты сходила с ума от его музыки в «Спанкс», – объявил
он, театрально откинув волосы назад.

– Значит, он тоже музыкант? – предположила Мэй.

– Нет, он...

– ...диджей, – снова вмешался Тай. – Он – Прайс-Икс.

Девушки стали резко хватать ртом воздух.

– Спасибо, Тайсон, – вздохнула я и немного раздраженно
посмотрела на Итана.

– О... твой брат-близнец – диджей Прайс-Икс? – проговорила Шейла таким тоном, как будто он был королем.

– Неужели он тоже учится здесь? – удивилась Мэй почти в тот же миг.

– Да, он диджей, и нет, он не учится здесь, – коротко ответила я.

– Он никогда не учился в колледже, – добавил Итан.

– Я встречался с ним однажды, – пробормотал Тай, явно получающий удовольствие от внимания двух девушек. – Он очень крутой!

– Подожди, ты находился рядом всего один раз, и то когда он мне звонил, – уточнила я.

Тайсон отмахнулся.

– Я слышал его голос. Это считается встречей. А еще мы друзья на Facebook.

– Дааа, как и порядка четырех миллионов других людей, – поддела я.

– Ты такой болван, Тай, – весело произнесла Мэй.

Я надеялась, что ребята наконец-то оставят эту тему, но Шейла продолжала смотреть на меня взволнованно, блестящими глазами. Вот именно из-за таких взглядов я старалась как можно реже упоминать о своем брате. Стоило только кому-то выяснить, что я сестра Прайса-Икс, меня тут же начинали мучить вопросами, и чем больше вокруг поднималось шума, тем сильнее возрастала моя нервозность. И пусть наше родство не являлось тайной за семью печатями, но на са-

мом деле я ужасно радовалась, что за все годы учебы в университете никто не узнал об этом. Пока не появился Тайсон. Я бросила на парня хмурый взгляд, в ответ на что тот лишь состроил невинную мордашку.

– Твой брат часто приезжает в гости? – спросила Шейла, и ее голос прозвучал слишком высоко.

– Нет, к сожалению, нет, – коротко ответила я.

– О, почему нет? – Она явно была разочарована.

– У него... много дел, – уклончиво пробормотала я и посмотрела на Итана в надежде, что он заметит, насколько неловко я себя чувствую.

– Ну, ребята, мы пойдем, – не подвел меня друг, с шумом вставая.

– Что? Нет! Мы же собирались сегодня снова в «Спанкс», чувак! – возмущенно воскликнул Тайсон.

– Прости, не сегодня. У нас с Саммер впереди еще последний сезон «Дневников вампира».

– «Дневники вампира»? – ужаснулся Тай, а Мэй тихо рассмеялась. – Она заставляет тебя это смотреть?

На самом деле это Итан заставил меня, но об этом никому не следовало знать.

– Да, извините, ребята, Деймон на первом месте, – сказала я, вставая следом за другом.

– Саммер тоже может пойти с нами в «Спанкс», – предложил Тайсон, глядя на меня широко открытыми глазами.

– Нет, спасибо, Тай. Может быть, в следующий раз, – со-

лгала я и взяла протянутую Итаном руку. – До встречи, – помахала я рукой, и мы покинули компанию.

Шум множества людей походил на постоянную пульсацию в голове, которая начала утихать, только когда мы наконец ушли из столовой. Сделав несколько шагов, я на мгновение остановилась и глубоко вдохнула.

– Эй, Сэм, все в порядке? – прошептал Итан мне на ухо.

Его дыхание щекоткой прошло по моей коже, послав дрожь по спине. Я непроизвольно отстранилась и одарила друга улыбкой.

– Да, все прошло не так плохо, как я боялась, – заверила я. – Но послушай, если хочешь сходить с остальными в «Спанкс», то иди со спокойной душой. Я могу...

– О нет, – фыркнул мой лучший друг, потянув меня к выходу, – я не желаю пропустить Деймона из-за Тая и его неуклюжей имитации танцующей газонокосилки.

Рассмеявшись, я переплела свои пальцы с его. Что бы я делала без Итана?

2

– Черт возьми, а Клаус горяч!

Фыркнув, я подняла голову с груди Итана.

– Звучит как-то неправильно, когда ты говоришь нечто подобное.

– Но ведь это правда, – вздохнул он, усмехнувшись.

Попкорн запутался у него в волосах. Не знаю, как он туда попал, но Итан настоящий мастер в том, чтобы оставлять на себе больше еды, чем попадает в рот. Я взяла с его головы соленое зернышко и бросила себе в рот.

– Уже довольно поздно, – зевнул он. – Когда именно твои родители вернутся из штата Мэн?

– В половине девятого, по-моему.

– Утра?

– Утра, – эхом отозвалась я и снова прижалась к его груди.

Итан принялся играть с моими прядями. Обычно я собираю их в тугую косу или пучок, чтобы не мешали играть на пианино. Однако дома, валяясь на диване, я распускаю их, и это так же приятно, как сбросить узкие туфли. Но чаще всего я делаю это, находясь в одиночестве или, самое большее, с Итаном в качестве свидетеля. После того, как Ксандер нарушил все условности, мне следует беречь мамины нервы. Последние два года я пыталась заполнить пустоту в семье, оставленную моим братом, но снова и снова терпела неуда-

чу. В конце концов я пришла к пониманию, что наибольшее удовлетворение мама получает от внешнего совершенства. И поэтому я начала меняться: футболки уступили место блузкам, кеды – высоким каблукам, а вместо бальзама для губ со вкусом жвачки теперь я крашу губы помадой глубокого красного цвета, который не только делает губы полнее, но и лицо старше. И пусть это покажется странным, но с тех пор, как произошла эта метаморфоза, моя мать, судя по всему, наконец-то примирилась со случившимся.

И факт, что из-за этого в университете мне дали прозвище Ледяная принцесса, в данном случае оказался меньшим злом, которое я с радостью приняла. Вероятно, то, что я часто уходила одна и мало общалась с другими студентами, тоже сыграло свою роль. Но я поступала так не потому, что считала себя лучше. Просто бывали дни и даже недели, когда мне оказывалось настолько трудно справляться с повседневной жизнью, что я начинала потреблять аспирин угрожающе большими дозами. Быть вундеркиндом не всегда здорово.

– О чем ты думаешь? – прервал мои размышления Итан.

Я подняла глаза и поняла, что скоро уже начнется следующая серия.

– Итан... – я нерешительно отодвинулась от него и вытянула ноги, – неужели Тайсон и остальные считают меня высокомерной? – тихо поинтересовалась я, наблюдая, как напрыгались его желваки.

– Нет, конечно, нет. Как ты пришла к этому выводу?

Я криво улыбнулась.

– У меня есть уши, которые очень хорошо слышат. Я в курсе, что все болтают.

– И что же они болтают? – мрачно осведомился Итан.

Я вздохнула, уже жалея, что затронула эту тему. Но скоро летние каникулы, последний семестр не за горами, и пока мы общались с Таем и остальными, я в очередной раз заметила, насколько... изолированно жила до сих пор.

– Они считают меня капризной ледяной принцессой, – грустно заметила я.

Итан сдвинул брови.

– Это не так. И если кто-то скажет это в моем присутствии, второй раз он этого не повторит, потому что у него просто не останется зубов.

Я закатила глаза и ткнула его локтем в бок.

– Seriously, Итан. Знаю, что для тебя важны Тайсон и остальные, и мне хотелось бы подружиться с ними, но они, наверное, удивляются, почему я все время сижу в своей комнате и никуда не выхожу.

– Им известно, что ты очень чувствительна к шуму, – мягко произнес Итан, поднимая руку и поглаживая мое ухо, отчего я вздрогнула. – Но они не понимают, каково это – жить с таким чутким слухом. Даже мне иногда трудно представить себе это, а ведь мы знакомы всю жизнь. Но самое главное, что с тобой все в порядке. И тот, кто не принимает тебя такой, какая ты есть, не заслуживает твоей дружбы. Ты уди-

вительный человек, Саммер, и каждый, кто уделяет хотя бы несколько минут общению с тобой, тоже это замечает.

– Ты такой оптимист, – проговорила я, ощущая, как у меня теплеет на сердце.

На этот раз я не вздрогнула, когда Итан погладил меня по щеке. Он счастливо улыбнулся, и карий цвет в его глазах пришел в движение. А у меня в желудке снова разлилось это покалывание, поднимаясь все выше, отчего внутренности сжимались в тугий узел. И снова я засомневалась, нравится мне это чувство или нет. Запах Итана достиг моего носа, и у меня слегка закружилась голова.

– Саммер... – прошептал Итан, медленно приближая лицо к моему, – я кое-что давно хотел с тобой обсудить...

– Мм? – прошептала я, замороженно наблюдая, как он придвигается все ближе, пока не ощутила его дыхание на своей щеке.

От него пахло соленым попкорном и сладким шоколадом.

Итан сглотнул. Это движение заставило его адамово яблоко подпрыгнуть, и он нервно закусил губу. Наши взгляды встретились, и хотя его глаза были мне так же знакомы, как и свои собственные, сейчас мне показалось, что я увидела в них нечто такое, чего раньше не замечала. В них отражалось нечто вроде... желаний. Он прикусил нижнюю губу, и она немного покраснела. Кончики наших носов соприкоснулись, и мои мышцы напряглись, чтобы... что? Подвинуться? Стать еще ближе? Убежать?

– Саммер... – прошептал он, – я бы хотел...

Нас прервало громкое мычание.

– Му!

– Черт!

Мы отодвинулись друг от друга. Итан сердито уставился на свой мобильный, который невинно лежал перед нами на столе и издавал тот самый звук.

– Муу! Мууу!

Чем дольше мы смотрели на телефон, тем громче и настойчивее становилось мычание. Я рассмеялась, когда Итан наконец схватил его и нажал зеленую кнопку.

– Ты чертовски не вовремя, Тай! – рявкнул он в трубку, поправляя свои темно-русые волосы. – К тому же ты менял мой рингтон! Сколько еще мне твердить, чтобы ты держал руки подальше от моих вещей?

Что ответил Тайсон, я не поняла, но некоторое время он продолжал говорить, пока Итан не скользнул в свои ботинки.

С рычанием он повесил трубку.

– Проблемы?

Итан фыркнул.

– С Таем? Всегда! – Явно взбешенный, он засунул руки в рукава синей толстовки. – Этот идиот и Шейла слишком разошлись в «Спанкс» и нуждаются в жертве, которая ответит их домой. – Я улыбнулась, он улыбнулся в ответ, но почему-то ситуация показалась странной. Может, потому что взгляд Итана слишком надолго задержался на моих губах. –

Ну, эм, да... – запнулся он, – до завтра.

Взъерошив мои волосы, как будто мне пять лет, друг практически выскочил за дверь. Вздохнув, я выключила телевизор. Мне нравится музыка из фильмов, но зачастую в сериалах она не слишком высокого качества, а каждая хоть немного искаженная нота вызывает у меня головную боль. Чтобы отдохнуть, я включила классическую музыку и поднялась по лестнице в свою комнату.

Даже здесь сложно не заметить перфекционизм моей матери, ведь у каждой вещи имеется свое место, а книги выстроились на полке ровным рядочком. Если мне вдруг захочется играть, но не будет желания спускаться в музыкальную комнату, под окном ждет блестящий синтезатор. Единственное, что не зависит от родительницы, – это мои ноты, разбросанные по всей комнате. Я приклеивала их к стенам скотчем, раскладывала на письменном столе и даже прикрепляла несколько листов к потолку. Начиная с композиций, которые придумывала в десятилетнем возрасте, и заканчивая короткими мелодиями, которые иногда записывала на салфетке, напевая их за завтраком. Кстати, я частенько сочиняю на туалетной бумаге. И пусть со стороны выгляжу немного ненормальной, но не в силах удержаться. Музыка звучит в моей голове, музыка наполняет мою душу, и даже когда закрываю глаза, мне видится мелодия, которая увлекает меня за собой, пока я сама не становлюсь музыкой. Отец как-то пошутил, что у меня не вены, а нотный стан. Иногда мне ка-

жется, что музыка – единственное, что я действительно понимаю в этом мире.

Я надела одну из старых футболок Итана, которую носила в качестве ночной рубашки, и залезла под одеяло. Тут же что-то зашуршало, и я вытащила чек из супермаркета, на котором сделала несколько пометок. И когда успела? Я напела мелодию, и та мне немного напомнила современный джаз. Не так уж плохо.

Пожав плечами, я запихнула чек обратно под подушку и припала к ней щекой. Потом устало разблокировала телефон и в последний раз заглянула в свой почтовый ящик, но там не нашлось ничего нового. Во всяком случае, не было того письма, которое я ждала уже несколько недель. Нью-Йоркский оркестр искал новую пианистку. Мама узнала об этом на одном из своих концертов еще до того, как официально объявили о вакансии, поэтому мое заявление они, вероятно, получили одним из первых. Стоило только подумать о том, чтобы стать частью этого невероятного коллектива, все мое тело начинало покалывать от волнения. С тех пор, как три недели назад отправила заявку, я почти ежечасно проверяю почту. У меня имелись неплохие шансы быть принятой. Последние несколько лет я выиграла почти все конкурсы классической музыки в США, и благодаря своему абсолютному слуху считалась, по крайней мере, во Флагстаффе, своего рода гением. Хотя это не такое уж редкое явление, особенно у детей, которые приобщаются к музыке в раннем возрасте.

Однако мой слух так хорош, что я могу определять каждый тон только по его звуку, а еще он настолько чувствителен, что мне трудно что-либо не услышать. Мне очень трудно отсеять фоновый шум, поэтому меня быстро напрягают акустические раздражители, особенно если они громкие или резкие. Радио, уличное движение, какофония голосов – все это воздействует на меня и делает почти невозможным сосредоточиться или хотя бы расслабиться. Для меня почти невыносимо присутствовать в клубе, разве что я надену беруши и выпью много алкоголя, который неизменно выводит из строя мой чувствительный слух.

Я несколько раз пробовала ходить с Итаном и благодаря этому даже познакомилась со своим первым – и до сих пор единственным – парнем Клайдом. Наши отношения закончились так же быстро, как и начались. Друг до сих пор называет их «отношениями проездом». Вот только ему не известно всего, что произошло во время этого проезда, да и я стараюсь не вспоминать об этом. После этого я больше не ходила в клуб, потому что каждый раз судорожно напиваться только для того, чтобы постоять несколько часов в комнате с громкой музыкой, не стоит затраченных усилий.

В отличие от меня брат начал посещать клубы, как только стал выглядеть достаточно взрослым, чтобы подделать удостоверение личности. Его комната в то время находилась в подвале и была звукоизолирована, чтобы он мог включать колонки. И он сочинял так же, как и я, – день и ночь. Но не

классическую музыку, а современные треки, которые микшировал по собственному замыслу и добавлял биты. Ксандер обладал свободой, которой у меня никогда не было, и он не только наслаждался ею, но и позволял ей уносить себя, пока она не превратилась в приливную волну, которая едва не разрушила нашу семью. Но я не виню его за это, а вот родители – да.

Так как мне особо нечем было заняться, я открыла Facebook и посмотрела, чем занимается Ксандер. Свой последний пост он выложил три часа назад, а количество лайков уже взлетело на головокружительные высоты. Мой брат позировал на фоне видов Нью-Йорка: медово-русовая бровь чуть приподнята, красивые светло-карие глаза, которые, как и мои, немного отливают зеленью, скрыты солнцезащитными очками, а на губах играет его фирменная мальчишеская ухмылка. Под фотографией красовалась подпись: *«Отдыхаю в старом добром Нью-Йорке, готовьтесь к большим новостям!»* За этими словами следовало столько бессмысленных смайликов, что это почти граничило со злоупотреблением.

У Ксандера квартира в Нью-Йорке. Мой брат-близнец – веселый, слегка высокомерный и безудержный идиот, который ушел из дома в восемнадцать лет, чтобы осуществить свою мечту. За последние два года он сочинил четыре мировых хита. Я искренне горжусь им, даже если и не могу никому об этом рассказать. Все, что у него есть сегодня, он зара-

ботал сам.

Я поставила сердечко на его пост и пролистая дальше. В рекомендациях у меня отобразилась публикация еще одного диджея. Я уже собиралась листать дальше, но тут мой взгляд зацепился за картинку. Смотреть было особо не на что – просто пара красивых бледных рук на клавишах пианино. Подпись внизу гласила: *«Новая песня – для нового сезона. Приготовьтесь, потому что я собираюсь зажигать».*

Ниже размещалась ссылка. Испытывая любопытство, я нажала ее и попала на страницу, которая... очень удивила меня, ведь «Зажигай» – это оказался музыкальный фестиваль.

«Три недели – шесть городов – незабываемые впечатления. Добро пожаловать на фестиваль «Зажигай!»» – прочитала я вслух и нахмурилась. Разве Тайсон не рассказывал на днях о грандиозном фестивале, который гастролирует по всему США? Такие события обычно проходят мимо меня. Если я не способна без нервного срыва сходить в клуб, то даже представить себе не могу, каково это – быть похороненной под шум фестиваля.

Я вздрогнула и вернулась к Facebook. Только решила проверить, что за диджей опубликовал ссылку, как у меня зазвонил телефон. «Итан!» – пронзила меня быстрая мысль, но это оказалось...

– Ксандер? – недоверчиво поинтересовалась я.

– Привет, Сэм-Сэм, – весело отозвался брат.

– Это и в самом деле ты, – отозвалась я. – Неужели та дурацкая штука про мысленную связь близнецов на расстоянии вовсе и не шутка?

– Что? – не без причины переспросил Ксандер. На заднем плане слышались громкая музыка и шум улиц мегаполиса.

– Ничего, я просто только что думала о тебе, – сообщила я, и брат рассмеялся.

– Ты думала обо мне? Я что, забыл вынести мусор?

– Хуже: мама нашла твой грязный носок на кухонном столе.

– Ой! На сколько дней домашнего ареста мне рассчитывать?

– Как минимум на три. И в наказание ты должен написать работу о трех своих самых любимых композиторах начала восемнадцатого века.

Да, наша мать умела наказывать столь же творчески, сколь и изнурительно.

– Я до сих пор не закончил это проклятое эссе, – пробурчал брат.

В ответ я рассмеялась и перевернулась на спину.

– Рада тебя слышать, Ксан, – прошептала я. – Как ты?

– Хорошо, очень хорошо. На самом деле фантастически. Слушай, мне нужно тебе кое-что рассказать. Я... – Он прервался на полуслове. На заднем плане женский голос выкрикнул его имя, а затем последовала громкая музыка, от гулких басов которой мобильный буквально завибрировал.

Слегка поморщившись, я отодвинула трубку подальше от уха. – Уже иду, – отозвался Ксандер. Другой голос что-то недовольно прокричал, и мой брат раздраженно огрызнулся в ответ.

– Ксан, ты можешь немного отойти от того места, где находишься сейчас? – попросила я, включив громкую связь, чтобы моя барабанная перепонка хотя бы не страдала напрямую.

– Да, точно, извини, мы сейчас с ребятами на улице, и здесь невероятно холодно.

– Но на дворе июнь.

Брат фыркнул.

– Да, но, похоже, город еще не понял этого. Так недолго и заскучать по старой доброй Аризоне.

Послышались его тихие шаги по асфальту. Музыка становилась все тише и тише, пока почти совсем не затихла. Но тут пронзительная сирена «Скорой помощи» или полицейской машины прервала наш разговор. Да уж, Нью-Йорк – слишком шумный город.

– Скажи, разве у тебя уже не три часа ночи? – спросила я, когда вспомнила о разнице во времени.

– Да... и?

– И? Ты просто так звонишь мне в три часа ночи?

– Конечно. Сейчас раннее утро.

– Раннее утро. Конечно, – рассмеялась я, прекрасно понимая, что Ксандер говорит серьезно. Брат всегда был совой,

когда он ложился спать, я вставала.

– А почему ты не спишь так поздно, сестренка? Разве тебе не следует уже давно лежать в кровати и спать сном праведников?

Я закатила глаза.

– Так поздно? Мне почти двадцать один, Ксандер, я вполне могу не спать до полуночи, если захочу.

– Ого, неужели у кого-то начался запоздалый подростковый бунт? – засмеялся Ксандер. Мне нравился смех брата, грубый и теплый, как его объятия. Я соскучилась по нему.

– Не могу заснуть, – пожаловалась я, уставившись в потолок. Лет в десять мы с Ксаном наклеили туда светящиеся в темноте звезды. Их никто не убирал, они продолжали висеть там, наверху, между нотными листами, отбрасывая светящиеся кляксы на покрывало.

– Плохой день? – обеспокоенно поинтересовался Ксандер.

– Все чаще и чаще. – Я бросила взгляд на тумбочку, где лежал аспирин. Пачка уже наполовину опустела.

– Ты была у врача?

– Да, перед выступлением на прошлой неделе.

– И? – Послышалось потрескивание пластика, за которым последовал глубокий вдох.

– Ничего нового. Он сказал, что это стресс и... ты что, опять куришь? – укорила я.

Ксандер шумно выдохнул.

– Нет, – солгал он.

Я фыркнула.

– Ксан! Серьезно, прекрати это! Одна сигарета укорачивает жизнь на пять минут.

– Неужели? Черт, тогда я позавчера умер.

– О господи, Ксандер... – простонала я, но брат прервал меня, прежде чем мы снова начали обсуждать то, как он умирает от рака легких.

– Послушай, Саммер, я вообще-то звоню, потому что хотел попросить тебя об одолжении.

– Нет, я не буду подделывать мамину подпись, чтобы ты сделал татуировку.

– Ха-ха. Я просил тебя об этом всего один раз, и мне было шестнадцать.

– И? Ты доволен рогами на заднице?

– Это не рога на заднице.

– Правда? Как тогда назвать каракули на твоей пятой точке?

– Искусство.

– Искусство рогов на заднице?

– Ааа... Саммер, ты меня убиваешь, – простонал он, и я рассмеялась.

– Прости, Ксан, выкладывай, чего ты от меня хочешь?

На мгновение установилась тишина, прошли две, три секунды, в течение которых я слушала, как он затягивается.

– Ты должна... написать мне еще одну песню.

Я застыла, пораженная тем, сколько эмоций одновременно возникло в моем теле: испуганное напряжение, зудящая нервозность и покалывающее предвкушение.

– Саммер? Ты здесь?

– Я... кхм, да, – я быстро откашлялась и взяла телефон в руки, чтобы хоть за что-то ухватиться, – сомневаюсь, что у меня есть время для этого, Ксандер. Ты же понимаешь, что, если меня пригласит Нью-Йоркский оркестр, я должна буду полностью сосредоточиться на подготовке к прослушиванию, и тогда у меня просто не хватит на это времени...

– Всего лишь одна песня, – настойчиво прервал меня брат, – пожалуйста, Саммер. Я в курсе, что ты занята, и не хочу добавлять забот, но послушай... – На том конце что-то зашуршало, как будто он изменил положение. – Ты слышала о фестивале «Зажигай»?

Только я хотела открыть рот, чтобы возразить, как ошеломленно остановилась.

– «Зажигай»? Хм, да, я только что прочитала о нем. Он довольно большой, не так ли?

– Не просто большой, это самый крупный фестиваль в стране, – уточнил Ксандер. В его голосе появилась легкая хрипотца от волнения, и в тот же миг я четко представила себе, как мой высокий брат стоит посреди Нью-Йорка, холодный ветер треплет его светлые волосы, а в огромных карих глазах сияет восторженный блеск. Как и каждый раз перед тем, как он собирался совершить какую-нибудь глупость. –

Это фестиваль года. Он длится три недели и гастролирует по шести штатам. Там играют только самые-самые. Я говорю о Дэвиде Гетте, Гарриксе, Скриллексе, Хардвелле... Он не просто большой, он потрясный. И я бы не стал звонить тебе сейчас, если бы не хотел, чтобы ты спросила, кого пригласили в качестве одного из трех новичков.

– Кого пригласили?.. Ксан, ты хочешь сказать, что...

– Мм, начинается с Прайс и заканчивается Икс.

– Вау, Ксандер! Это шикарно! – выдохнула я, расплываясь в широкой улыбке.

– Да, это так, – рассмеялся брат. – Но самое интересное еще впереди. – Я немного напряглась, уловив его лихорадочное возбуждение. – Тот, кто соберет наибольшее количество народа на своих концертах и произведет впечатление на спонсоров в Лос-Анджелесе, получит контракт с Sony и тур по Европе.

– Боже мой, Ксандер, это звучит невероятно! – восторженно воскликнула я.

– Я знаю! – На этот раз в его смехе проскальзывали истерические нотки. Когда он в последний раз спал? Ксандер никогда не знал этого точно. Он считал, что сон можно заменить кофеином. – И именно поэтому ты просто обязана мне помочь, Саммер. Мне нужно записать новую песню. Я должен получить этот чертов контракт.

– Но ведь у тебя уже есть другой лейбл, разве не так?

Ксандер фыркнул.

– Лейбл... мной занимается жалкое агентство. Не пойми меня неправильно, они сделали для меня немало, но...

– Ксандер, четыре твоих хита были во всех чартах в течение двух лет. Я бы сказала, что это больше, чем «немало».

– Конечно, но, Саммер, этот шанс я просто не могу упустить. Все эти годы я ждал чего-то подобного. Этот фестиваль – именно то, к чему я стремился. Теперь я должен показать, на что способен, а для этого мне нужна ты.

Я нерешительно пожевала нижнюю губу.

– Ксандер, я действительно сомневаюсь, что у меня получится тебе помочь. Если узнают, что я пишу для тебя песни, то...

– Никто ничего не узнает. До сих пор все было в порядке, – слишком резко прервал он. Я посмотрела на мобильный телефон.

– Пока да, но как долго это будет продолжаться? Чем известнее ты становишься, тем больше народа тобой интересуется. Пресса раскопает все грязное белье, и меня вместе с этим! Если станет известно, что я написала какие-то из твоих песен, то ни один классический оркестр в мире больше не станет воспринимать меня всерьез! Не говоря уже о чем-то большем! Тогда мне можно забыть о своей карьере, Ксандер, да и тебе тоже. Ты невероятно талантлив в своем жанре, и я уверена, что сможешь написать следующий хит без меня. Твоя последняя композиция тоже поднялась в чартах, не так ли?

– Да, но не так высоко, как твоя. Пожалуйста, Саммер. Я, может, хорош, но этого недостаточно. А с тобой я непобедим. Вместе мы непобедимы. Пожалуйста, Саммер, еще одну песню.

– Ах, Ксандер, я не знаю...

– Чего ты не знаешь? Ты все равно летом приедешь в Нью-Йорк на прослушивание. Просто это займет немного больше времени. Достаточно двух недель. Я... пожалуйста, ты нужна мне.

На последнем слове его голос оборвался, и в последовавшей за этим напряженной тишине казалось, что я слышу, как бушуют его эмоции. Но я продолжала хранить молчание и только еще яростнее жевала нижнюю губу. Пока размышляла, Ксандер прикурил очередную сигарету, и на этот раз я удержалась от комментария. Его глубокие вдохи и выдохи довольно долго оставались единственным звуком в нашем разговоре.

Мысли в моей голове кружились в диком танце. Около полугода назад я написала последнюю песню с Ксандером. «Beauty & Evil» целых четыре недели занимала первое место в чартах и еще два месяца держалась в первой десятке. И я солгала бы, сказав, что это не доставило мне удовольствия. Однако, в конце концов, дело не в веселье. Уже тогда было непросто скрыть факт моей помощи брату. На Рождество он приезжал на пару недель погостить, а поскольку родители отказались впустить его в дом, Ксан поселился в мотеле «Blue

Ипп». Но песня не писалась сама собой и в одночасье, поэтому я приходила к нему каждый день. Все время до Нового года мы только тем и занимались, что обсуждали мелодии, тексты и басовые партии. Ксандер убежден, что любая музыка, даже основанная на ритме, не будет звучать по-настоящему хорошо, пока в ней не появится запоминающийся мотив. Вот почему он сначала заставил меня сочинить песню, а затем включил компьютер и менял ее до тех пор, пока она не превратилась в нечто совершенно иное. А конечным результатом стала гипнотическая смесь звуков, которая вибрировала где-то внутри, толпами заманивая народ на танцпол. Но это мир Ксандера, а не мой. Как раз тогда по какой-то нелепой случайности папарацци обратил внимание на мои частые визиты в «Blue Inn», и нам потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы сохранить в тайне наше занятие. После этой истории мы решили, что дальше Ксандер должен идти один.

Наш секрет знали только агентство Ксандера и Итан. При этом он считал, что брат приезжает ко мне только когда нуждается в помощи. Возможно, зерно истины в его рассуждениях и имелось, но все же друг ошибался. Конечно, когда Ксандер звонит, чаще всего он чего-то хочет от меня. Однако едва мы начали сочинять музыку вместе и наша первая песня совершенно неожиданно попала в чарты с YouTube, брат предложил поделиться со мной всеми правами и доходами. Договор уже был составлен, мне оставалось лишь подписать,

но я не сделала этого.

Я создаю музыку, потому что это приносит мне удовольствие. Написание песен для Ксандера явилось для меня новым вызовом, и, самое главное, я могла помочь брату. Остальное меня не интересовало. По крайней мере, не настолько, чтобы ради этого отказаться от мечты стать сольной пианисткой. В мире музыки это называется «либо-либо»: либо классический виртуоз, либо дикая ночная жизнь. Одно с другим не сочетается, поэтому никому не следовало знать, что я соавтор песен Ксандера. Этот факт был одним из немногих моих секретов, и ему требовалось оставаться таковым любой ценой. Особенно если учесть, что вскоре мне предстоит осуществить собственную мечту. Едва подумав так, я испытала угрызения совести. Неужели это я только что поставила свою карьеру выше карьеры брата?

– Ксандер, я не могу, – наконец тихо произнесла я. Комок в горле не давал дышать, и мне пришлось несколько раз сглотнуть. Брат выругался, и от огорчения в его голосе мне стало больно. – Мне очень жаль, Ксан. Ты знаешь, что я люблю тебя, но сейчас для меня слишком многое поставлено на карту. Я не могу рисковать. Ты великолепный музыкант, справишься и без меня.

Ксандер застонал. Я представила, как он разочарованно прислоняется головой к ближайшей стене и закрывает глаза.

– Нет, я не справлюсь, – признался он на удивление честно.

– С чего ты так решил?

– Потому что я уже несколько недель пытаюсь написать песню, и ничего не выходит. Если нравится мне, то не нравится моему продюсеру. Нравится продюсеру, а у меня уши вянут. И потом, мне все время приходится терпеть рожу этого Блейзона в студии.

– Кто такой Блейзон? – осторожно поинтересовалась я.

– Один идиот, – последовал угрюмый ответ.

– Другой диджей? – Брат лишь промычал что-то нечленораздельное. – Ты справишься, Ксан, – ласково подбодрила я. – Я верю в тебя. По-настоящему верю.

– Рад, что хоть ты в меня веришь. А вот я в себя – нет. Пожалуйста, Саммер, ты мне нужна. Мне необходим твой слух, мне необходимы твои способности, мне нужна твоя фантазия. Ты ведь все равно будешь в Нью-Йорке, не так ли?

Ах. В этом весь смысл. Буду ли я в Нью-Йорке? Этого я пока не знала.

– Я еще не получила отклик на свою заявку. Может, я им неинтересна, – нерешительно проговорила я.

– Ты серьезно так думаешь, Саммер? – фыркнул брат. – Они сгруппят, если не возьмут тебя. Ты гениальна, и это знает весь мир.

– Хорошо, что об этом знает весь мир. Но я – нет.

– О, тебе это прекрасно известно. Ты способна на многое, для тебя открыты все дороги. Ты просто боишься того, что может произойти, если согласишься на это.

– И что же может произойти?

– Ты станешь жить правильно, – сухо отрезал он.

Я резко выдохнула, начиная терять терпение от этой беседы. Как бы я ни любила брата, он не меняется. Стоит только отказать ему в чем-то, он тут же наносит ответный удар. И тот редко оказывается выше пояса.

– Я вешаю трубку, Ксан, – холодно предупредила я, не сомневаясь, что дальнейший разговор закончится ссорой.

– Нет, подожди! – тут же извиняющимся тоном попросил брат. – Пожалуйста, подумай еще немного.

– Ксандер, нет.

– Пожалуйста. Если получишь приглашение от оркестра – а ты его обязательно получишь, – позвони мне еще раз, хорошо? Тогда я смогу тебе все спокойно объяснить.

– Я... хорошо, – быстро согласилась я, ощущая его хватку питбуля на своей шее.

Брат вздохнул и двинулся дальше, его шаги эхом отражались от стен домов, и городской шум вновь вышел на передний план. Я слышала, как смеются люди. Гудят машины. Потом что-то разбилось.

– Спасибо и до свидания, сестричка.

– Пока, Ксан, – попрощалась я и повесила трубку.

Глаза словно горели. Я ужасно устала. Ксандер был прав: полночь совсем не для меня. Я рано встаю и рано ложусь спать. Однако, несмотря на это, мне потребовалось немало времени, чтобы отвлечься от непростого разговора и за-

снуть.

В ту ночь мне снились тонкие пальцы на клавишах пианино и глубокие басы, которые влекли меня в неудержимый водоворот.

3

Аккуратно разместив отполированную до блеска вилку на накрытом столе, я критически осмотрела ее и отодвинула еще на миллиметр вправо. На заднем плане играла классическая музыка. «Грезы любви» Ференца Листа – один из любимых ноктюрнов моей мамы. После возвращения с концертов она слушает это произведение на постоянном повторе часами напролет. Через пять минут мама должна была подъехать на такси, поэтому я заранее включила стереосистему. Накрыла стол для завтрака. Тост только что выскочил из тостера, а кофеварка пискнула, сигнализируя о готовности кофе. Все было идеально. Удовлетворенная, я поправила цветы в центре стола, которые предусмотрительно купила еще вчера, после чего сняла фартук и разгладила платье. Маме очень нравилось, как оно на мне сидит. Она улыбалась каждый раз, когда я его надевала. Ей казалось, что я выгляжу в нем величественно, словно леди из другого века. Итан же говорит, что я похожа на Алису в Стране чудес. В восемьдесят лет. Иногда он бывает таким идиотом!

Я как раз раздумывала над тем, чтобы еще немного прибраться, тем самым избавляя родительницу от лишнего беспокойства, когда послышался хруст гравия на подъездной дорожке. Я выглянула в кухонное окно и закатила глаза, наблюдая, как Итан вылезает из своей старой машины. Его во-

лосы торчали во все стороны, а рубашку он, судя по всему, застегивал в полусне. Значит, вчера он дома не ночевал.

– Эй, алкоголик, – с насмешливой ухмылкой поприветствовала я, прислонившись к дверному косяку.

Друг в ответ лишь застонал и, щурясь от яркого света, нагнул на глаза темные очки.

– В следующий раз, когда я соберусь забрать Тайсона, пожалуйста, останови меня, – устало произнес он и поплелся в дом, чтобы поскорее добраться до дивана.

С моего места виднелись только его торчащие вверх ноги, когда Итан издал еще один мучительный стон. Я весело фыркнула и отправилась на кухню. Там я достала из ящика аспирин, из холодильника томатный сок и принесла все это страдальцу.

– Вот, выпей это до маминого приезда. Когда ты появляешься перед ней таким, она все еще считает, что тебе нужен экзорцист.

– Твоя мама не в курсе, что такое похмелье? – пробормотал Итан, открывая сок и бросая таблетки в рот.

– Конечно, нет, – засмеялась я и погладила его по небритой щеке. – Но даже если и в курсе, то она скорее оттащит тебя к ближайшему священнику, чтобы изгнать дьявола пьянства.

– О боже, Саммер, твоя мама и правда не в своем уме. Я никогда не упоминал об этом?

– В этом нет нужды, все ее знакомые и так абсолютно уве-

рены в этом, – проговорила я, поглаживая друга по волосам. – Вот поэтому ты, мой герой в сияющих доспехах, и приходишь на завтрак даже с похмелья, чтобы мне не приходилось оставаться с ней наедине.

– Да, я отличный парень, – великодушно согласился со мной Итан и со стоном сел. – А где, собственно, твой папа?

– Похоже, он находился не с мамой в Мэне, а в Бостоне. Прислал сообщение, что останется там подольше.

– В самом деле? – Итан с сомнением приподнял бровь. – Кажется, его нынешняя интрижка как раз в Бостоне?

– Все так, но мы не говорим об этом. Особенно в присутствии мамы, – строго напомнила я.

Мой отец – один из самых именитых виолончелистов в Америке, своего рода звезда в мире классической музыки. И, конечно, подробности его личной жизни тот еще секрет Полишинеля. Отец меняет женщин как перчатки и делает это так давно, что я и не помню уже время, когда были только он и мама. Мои родители все еще женаты, но исключительно из практических соображений. Мир классической музыки удивительно старомоден, когда дело касается нерушимости института брака, репутации и идеальной посадки галстука-бабочки. Поэтому музыканта, который счастливо женат и живет по шаблону «ребенок, дом и собака», приглашают выступать чаще, чем разведенного мужчину лет пятидесяти, который останавливается в отеле, а не дома. Кроме того, моя мама скорее выпила бы полироль для крышки рояля, чем

допустила, чтобы разрушилась видимость семейной идиллии.

Итан кивнул и опустился обратно на диван.

– Еще раз... твоя семья сумасшедшая, Саммер. Мне следует очень тебя любить, чтобы пережить подобное.

И пусть я прекрасно понимала, что он произнес эту фразу в шутку, все же на мгновение задержала дыхание. Любить. От этой мысли в желудке снова родилось покалывание.

– Ну и на том спасибо.

Наигранно охладев, я ущипнула его за ногу и быстро поднялась, когда другая машина зашуршала гравием на подъездной дорожке.

Нервно, я пригладила волосы и открыла дверь. Голос моей матери послышался еще до того, как она вышла из такси.

– Вам стоит подумать об этом, молодой человек. В машине не должно так пахнуть. Пинаколада – это напиток, а не аромат, который вы вешаете на зеркало заднего вида в виде душистой «елочки». Если хотите, чтобы клиенты вас воспринимали серьезно, то купите себе несколько новых рубашек, научитесь вежливо отказываться от чаевых и выбросьте это обонятельное оскорбление в окно.

О, бедный таксист. Он с такой скоростью выскочил из машины, будто мама собиралась поджечь сиденья. Подошел к багажнику и вытащил – а вернее, выбросил – багаж моей родительницы. Тем временем Люсинда Прайс была занята тем, чтобы как можно элегантнее покинуть такси. Сначала пока-

зались ступни в синих лодочках на высоком каблучке, а потом икры, такие же подтянутые и гладкие, как у меня. Моя мама выглядела на двадцать лет моложе, чем есть на самом деле. Сегодня она надела обтягивающее платье с запахом, а светлые волосы стянула в высокий узел. Казалось, она только что спустилась с концертной сцены, а не перенесла восьмичасовой перелет.

– Последние несколько недель было так мило и тихо, – вздохнул Итан, стоя позади меня и зачарованно наблюдая за представлением.

Мама бросила на таксиста неодобрительный взгляд и щелкнула пальцами.

– Вы можете отнести мой чемодан в дом.

– Мы должны избавить беднягу от его участи, – пробормотала я.

– Погоди. Я просто хочу посмотреть, заставит ли она его плакать.

Я закатила глаза и повысила голос, чтобы привлечь к нам внимание матери.

– Мама, как хорошо, что ты вернулась. Тебе нужна помощь с чемоданом? Итан предлагает донести его.

– Ах, это я предлагаю? – прошептал он.

– Да, ты, – прошипела я в ответ.

Печально вздохнув, друг изобразил свою лучшую непохмельную улыбку и подошел к моей матери.

– Итан, ты тоже здесь? Как мило. – Поцелуй в воздухе

слева от него, поцелуй в воздухе справа.

– Рад, что вы вернулись, миссис Прайс, – вежливо произнес он, забирая поклажу у таксиста, который явно вздохнул с облегчением. Итан, наверное, не ожидал, что эта штука весит целую тонну. Просто моя родительница брала с собой в путешествия все, от простыней до утюга.

– Саммер, ты выглядишь восхитительно, – прошептала мама, настроение которой явно улучшилось, и я удостоилась настоящего поцелуя в щеку.

– Благодарю. – Первое препятствие пройдено, теперь оставалось только избежать сотни других не менее взрывоопасных ловушек. – Полет был очень утомительным? – с улыбкой поинтересовалась я, ощущая, как носа коснулись ее Chanel № 5.

– Ах, как всегда. Я на самом деле не представляю, почему авиакомпании не стыдно продавать на два сантиметра больше пространства для ног и затхлый арахис как первый класс.

Веселясь про себя, я наблюдала, как таксист со свистом шин исчезает с нашей подъездной дорожки, в то время как Итан с покрасневшимся лицом тащит чемодан к входной двери.

– О, мне очень жаль.

Я повернулась к маме и провела ее на кухню. Она, как обычно, не сняла туфли, так что ее высокие каблуки короткими выстрелами стучали по мраморной плитке.

– Не страшно, – отмахнулась она и заняла место во главе

стола. – Я пожаловалась и хотя бы получу свои деньги обратно. Ох, Итан, дорогой, будь так добр и отнеси чемодан на второй этаж. Розы позаботится о нем позже.

– Конечно, миссис Прайс, – проворчал он, поднимаясь по лестнице. Когда Итан заметил, что я тихо смеюсь над ним, ему все же удалось показать мне средний палец, быстро исчезая наверху.

– Расскажи мне о последних нескольких неделях, дорогая. Я была так рада услышать, что ты выиграла премию Джини Бахауэр, – сказала мама, а затем встряхнула тканевую салфетку и коротко сморщила нос. – Красные салфетки на завтрак?

Волосы у меня на затылке встали дыбом.

– Розы отдала белые в химчистку, – произнесла я настолько спокойно, насколько могла, наливая кофе. Потом достала из холодильника тарелку с колбасной нарезкой, сняла фольгу и поставила ее в центр стола. Мама дотошно проверила столовые приборы, прежде чем, нахмурившись, взяться за вилку.

Я села рядом с ней и, коротко вздохнув, взяла себе тост.

– Все прошло отлично. Папа, видимо, остался в Бостоне, но в любом случае...

Я замолчала, понимая, что больше рассказывать нечего. Абсолютно. Мать отсутствовала почти три недели, а я за это время не занималась ничем другим, кроме как играла на пианино и пряталась от внешнего мира. В желудке образовался

ком, и я быстро откусила от тоста, чтобы нарушить внезапно наступившую тишину. Я попыталась натянуто улыбнуться, но меня спас друг, который с явным облегчением спустился по ступенькам. Совершенно измотанный, он опустился на стул напротив меня.

Мать взглянула на него и приподняла бровь.

– Не обижайся, Итан, но ты ужасно выглядишь.

– Спасибо, миссис Прайс. Это просто опухоль мозга, – пробормотал он.

– Что, прости?

Под столом я пнула его по голени, и Итан быстро выпрямился.

– Прошу прощения, ничего такого. Я просто не выспался. Мне нужно было... хм... учиться.

– Тверк? – На этот раз не смогла удержаться я.

– Что это? – озадаченно осведомилась мама.

Итан хитро рассмеялся.

– Это новый... вид спорта, который мы сейчас изучаем. Ничего особенного, миссис Прайс, – ухмыльнулся он и начал накладывать еду в тарелку.

– Как прошел твой концерт, мама? – вернула я тему в более безопасное русло.

Она вздохнула, смахнув салфеткой несуществующую каплю кофе с губ.

– Как обычно, просто катастрофическая организация. Не уверена, что мне стоит снова принимать это предложение в

следующем году.

Конечно же, она примет. Я делала вид, что внимательно слушаю, пока мама жаловалась на все и вся, начиная с дирижера, чью работу даже она могла бы сделать лучше, и заканчивая дурно пахнущим воском для натирания пола.

На заднем плане тихо играли «Грезы любви».

Я настолько глубоко погрузилась в свои мысли, что удивленно подняла глаза, когда мама протянула мне какой-то предмет.

– Что это? – растерянно поинтересовалась я.

Родительница приподняла одну бровь.

– Твой билет на самолет, конечно. – Она уронила конверт на мою тарелку.

– Мой билет на самолет? Куда?

– В Нью-Йорк.

– Что? – переспросила я, совершенно сбитая с толку.

Итан с любопытством посмотрел на белый конверт, уголок которого уже пропитался яичным желтком.

– Вы летите в отпуск с Саммер, миссис Прайс?

– Отпуск? О чем ты говоришь? – покачала головой мама и бросила салфетку на тарелку.

– О чем говоришь ты? – потребовала я в ответ.

– Об оркестре, конечно. Поздравляю, моя дорогая. Я, конечно, сразу согласилась от твоего имени. Можно выбрать любую дату полета. Ты достаточно взрослая, чтобы планировать поездку самостоятельно: когда захочешь лететь, сколь-

ко времени тебе понадобится, чтобы подготовиться и произвести хорошее впечатление. Я бы предложила нам встретиться еще раз не позднее конца октября. Если тебе нужно переехать...

– Секунду! Таймаут. – Я отчаянно замахала руками перед ее лицом, но мама тут же окинула меня ледяным взглядом. Предупреждающее выражение ее лица тут же заставило мои руки замереть в воздухе. Тем не менее я хотела знать.

– О чем ты говоришь, мама? Нью-Йорк? Оркестр? Я еще не получила приглашения на прослушивание.

Мама нахмурилась, достала из клатча свой смартфон и начала печатать.

– Что за ерунду ты говоришь, Саммер? Конечно, ты получила приглашение.

– Что?.. Нет, не получила, – сказала я, внезапно смутившись.

– Получила. Еще две недели назад. Я попросила, чтобы приглашение прислали непосредственно моей помощнице. Думала, ты знаешь. Рейчел должна была написать тебе SMS. – Мама произнесла это так гордо, как будто мне следовало похвалить ее за само знание того, что такое SMS.

– Рейчел ничего не писала мне, – обессиленно проговорила я.

– Даже так? Как неприятно. С тех пор, как Рейчел забеременела, она, судя по всему, постоянно забывает обо всем. Я уже подумываю о том, чтобы нанять себе новую помощни-

цу. Или помощника, который, по крайней мере, не выйдет из строя из-за чего-то столь же хлопотного.

Итан поочередно смотрел то на меня, то на маму круглыми глазами.

– Но Саммер получила приглашение – это здорово... – начал он.

– Мама, как ты можешь делать нечто подобное? – неожиданно вырвалось у меня. Я не смогла удержаться. Быстро повернулась к ней. Мои руки дрожали, а сердце билось в груди слишком быстро. – Тебе уже две недели известно, что меня пригласили на прослушивание в Нью-Йоркский оркестр, и ты ничего мне об этом не говоришь?

Она бросила рассеянный взгляд на свой смартфон.

– Неужели это нужно обсуждать?

У меня от изумления открылся рот.

– Эм... да, конечно!

Мама вздохнула.

– Саммер, у меня действительно много дел, и, боже, от Рейчел никакой помощи. Не устраивай драму. Ты получила приглашение. Все остальное не важно.

– Нет, это не так. Важно, что ты сообщаешь мне это таким образом, – процедила я сквозь стиснутые зубы.

Мама резко посмотрела на меня.

– Саммер, я понятия не имею, что с тобой сейчас происходит. Но мне нужно идти. Рейчел написала, что через час у меня встреча с прессой в центре города. Спасибо за завтрак.

И не жди меня на ужин. Буду поздно.

Она встала, поцеловала меня в щеку, зажала клатч под мышкой и с телефоном у уха отправилась прочь из комнаты.

Ошеломленная, я уставилась на ее узкую спину.

– Мама!

Ответом мне послужил стук захлопнувшейся входной двери.

– Оу, это было жестоко, – пробормотал Итан, когда смолкло эхо.

У меня создалось впечатление, что мне на голову вылили ушат холодной воды. Я так беспокоилась о подаче заявления! Сколько раз я заглядывала в мобильный только для того, чтобы снова разочароваться? В мыслях я уже прокручивала, как мои мечты лопаются, словно мыльные пузыри. А мать все это время знала, что Нью-Йоркский оркестр заинтересовался мной и предоставил мне возможность выступить. Очевидно же, что она просто оказалась недостаточно заинтересована во мне, чтобы хотя бы набрать мой номер и сообщить новость. Она вообще мне не звонила. Ни разу за все три недели.

– Эй, Саммер... – Сильные руки обняли меня сзади. Итан прижал меня к своей крепкой груди, окутывая своим с детства знакомым запахом. – Поздравляю, – пробормотал мой лучший друг, положив подбородок мне на плечо.

– Поздравляю? – проворчала я, глядя на него снизу вверх. – Разве ты не заметил? Она перенаправила мои элек-

тронные письма. Она знала! Она все время это знала и не сказала ни слова. Какой нормальный человек так делает?

Итан вздохнул, скользнув теплым дыханием по моей шее.

– Ты же знаешь свою маму, это вполне в стиле Люсинды Прайс.

– Нет! – рявкнула я, отрываясь от Итана. Его прикосновение сейчас казалось слишком сильным для моей перевозбужденной кожи. Выругавшись, я вскочила и пнула ближайший стул. – Становится все хуже и хуже. Становится хуже! Не то чтобы ожидала от нее хоть какого-то интереса, но я заслуживаю минимум уважения. Она... она такая...

Глаза наполнились слезами. Я быстро зажмурилась и приложила пальцы к переносице, глубоко при этом вдохнув.

– Эй, Саммер, не плачь. У тебя прослушивание в Нью-Йорке, это ведь Самое главное, не так ли?

– Да, но... она мне не сказала.

Слегка колеблясь, я позволила Итану снова притянуть меня ближе и укутать своим ароматом.

Некоторое время в доме было тихо. Только «Грезы любви» продолжали играть на заднем плане, вызывая у меня легкую пульсацию в висках.

– Болит голова? – прошептал Итан. Его голос звучал немного мрачнее, чем раньше.

Я кивнула и зашагала, когда он мягко вывел меня из столовой.

– Иди сюда, садись. – Он легонько подтолкнул меня

к слишком большому дивану в гостиной. Устало сбросив туфли на высоких каблуках, я размяла пальцы ног, пока Итан нес мне из кухни аспирин.

Затем бросила таблетки в рот и проглотила их.

При этом я с раздражением наблюдала, как друг устраивается на другом конце дивана и накидывает на себя плюшевое одеяло.

– Что ты там делаешь?

– А на что это похоже? Я строю себе пещеру. Можешь зайти ко мне, если хочешь.

Против воли я улыбнулась. Эту игру мы придумали в шестилетнем возрасте. Просто обнимались под одним одеялом и делали вид, что находимся в пещере. Чаще всего это происходило, когда мир в очередной раз становился слишком громким.

– Итан, это глупо. Возвращайся сюда.

– Ах, к сожалению, я тебя не слышу. Стены моей пещеры слишком толстые.

– Итан, тебе двадцать один, – напомнила я, подползая к нему и заглядывая под одеяло. Свернувшись калачиком, он сидел в полутьме и ухмылялся мне.

– Привет, прекрасная дева. Ты, случайно, не хочешь разделить со мной место в этой уютной берлоге? TripAdvisor³ назвал это место самой комфортной пещерой обнимашек во всей Аризоне.

³ TripAdvisor – крупнейшая в мире платформа о путешествиях.

– Там почти не осталось места, даже ни малейшего местечка.

– Пффф... сноб.

– Ребенок.

Смеясь, я пригнулась и заползла под одеяло. Яркий дневной свет просвечивал сквозь лиловую ткань, а в его лучиках кружилось несколько пылинок.

– Иди сюда.

Итан раскрыл объятия, и я прижалась к нему. Его руки обвили меня вокруг моего тела, удерживая меня рядом.

– Здесь мило, – прошептала я, положив голову ему на грудь. Под рубашкой, которая все еще немного пахла сигаретами и алкоголем, ощущалось сильное и равномерное сердцебиение Итана.

– Да, я тоже так думаю. Немного душно, но приятно, – пробормотал он, кончиками пальцев поглаживая меня по волосам.

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение постепенно покидает меня. Итан держал меня за руку. На самом деле обычно только он и прикасался ко мне. Несмотря на довольно частую жажду физической близости, я построила свою жизнь так, что она вряд ли когда-либо происходила. Меня словно окружал стеклянный дом, и я понятия не имела, смогу ли выбраться из него когда-нибудь.

– Что бы я делала без тебя, Итан? – тихо поинтересовалась я в нашей пещере.

Парень перестал меня поглаживать.

– Играла бы на пианино, – не задумываясь, ответил он.

– Я не это имела в виду, – вздохнула я и посмотрела на друга.

Итан встретился со мной взглядом, выглядя при этом непривычно серьезным.

– Я знаю, что ты имела в виду, Саммер. Но это правда. Твоя жизнь состоит из музыки. Не будь меня рядом, не так много бы изменилось. Ты сидела бы на фортепианном стуле и терялась в музыке. Я никогда не был и не буду более чем благоговейным слушателем.

– Но это же совсем не так! – Я в ужасе выпрямилась. – Как ты можешь говорить такое, Итан? Ты мой... мой...

Друг наклонил голову и снова посмотрел с тем странным выражением лица, от которого у меня сжимался желудок. Казалось, мне не хватает воздуха.

– Да, Саммер, и кто же я? – тихо поинтересовался он.

– Мой лучший друг, – прошептала я, облизнув губы.

И хотя это была правда, у меня создалось ощущение, что я солгала.

Уголки губ Итана приподнялись в едва заметной улыбке, когда он медленно наклонился ко мне. Теперь он оказался так близко, что я видела в его глазах собственное отражение.

– Ты знаешь, что Тайсон и все остальные в университете считают, что мы пара?

Воздух! Куда делся воздух?

– Да, знаю, – так же тихо произнесла я, ощущая, как по всему телу бегут мурашки.

– Ты знаешь, что все мои девушки думали, что я влюблен в тебя?

– Я... нет, я этого не знала.

– Ммм, а как бы ты отреагировала, если бы я сказал тебе, что они были правы?

– К-кто именно?

Разве это мой голос секунду назад прозвучал так высоко? Что вообще сейчас произошло? «Он признается тебе в любви, а ты заикаешься», – рявкнул на меня внутренний голос. Другая часть меня тут же потеряла сознание.

– Все, – заявил Итан и уставился на меня.

Я оглянулась. Должно быть, то же самое испытывала Красная Шапочка, когда заглядывала в пасть злому волку. Или нет, там было нечто плохое, а тут произошло что-то хорошее... так ведь?

– С каких это пор? – выдохнула я, чувствуя себя сделанной из стекла. Если бы Итан прикоснулся ко мне сейчас, я бы сломалась, и понятия не имею, что бы от меня осталось после этого.

Мой лучший друг вздохнул и взглянул на меня едва ли не со страданием.

– Ты даже не представляешь, насколько давно.

– Почему, – я сглотнула, – почему ты говоришь мне об этом только сейчас?

– Я не знаю. – В его расширенных зрачках плескалось столько эмоций, что у меня совсем закружилась голова. А еще под ними скрывалось холодное жало страха. Страх быть раненым. Страх чувствовать. Страх надеяться. Страх быть отвергнутым.

– Почему ты никогда ничего не говорил? – услышала я свой голос.

Пальцы Итана дрожали.

– Для тебя всегда существовала только музыка. Я думал... я думал, что для меня нет места рядом с тобой.

– Это самая настоящая чушь, – прошептала я.

Он улыбнулся.

– Да, сейчас я это тоже понимаю. Что мы теперь будем делать?

А ведь и правда, что? Вопрос повис между нами, сгущая напряжение. Я старалась дышать ровно, в то время как все внутри меня кричало об отступлении. Я медленно оторвалась от него, в то время как Итан поступил наоборот, наклонившись вперед. Он оказался быстрее. Обхватил мое лицо руками и притянул к себе. В следующее мгновение его губы коснулись моих. Наши дыхания смешались, и он поцеловал меня. Итан поцеловал меня! Скользнув языком по моим губам, он пальцами зарылся в мои волосы. Мое дыхание участилось, отчего у меня закружилась голова. Я открыла рот, чтобы... чтобы что? Попросить его о большем? Или чтобы он остановился?

Итан, очевидно, воспринял это как приглашение, потому что его язык скользнул мне в рот и начал нежно ласкать меня. На вкус он напоминал апельсиновый сок после завтрака. Между тем дыхание парня все учащалось. Он притянул меня ближе, углубляя поцелуй. Его язык обвился вокруг моего, и Итан испустил глубокий счастливый вздох. Я вспомнила, что должна закрыть глаза, и мои веки задрожали. Я действительно пыталась получить от этого удовольствие. Полностью погрузиться в ощущения, которые вызывал во мне Итан. Я хотела насладиться легким покалыванием в животе. Влечением в моем сердце. Но... почему-то не могла. Это казалось странным. Как будто целовать брата. Брата, чья рука лежала прямо под моей задницей и обнимала меня так крепко, что я чувствовала нечто твердое между нами.

– Стоп! – задыхаясь, я вырвалась из объятий. Прижала руки к его груди и оттолкнула Итана.

Он тоже задыхался. Его глаза блестели, а волосы дико торчали во все стороны.

– Саммер... – с тоской прошептал он.

– Мне... мне нужен воздух, – воскликнула я и сорвала одеяло с головы.

Тут же на нас снова обрушился внешний мир. Солнечный свет, который казался слишком ярким для этой комнаты. Мелодия «Грез любви» Листа. Тиканье часов. Тяжело дыша, я попыталась освободиться от одеяла, запуталась в нем и, выругавшись, упала с дивана.

– Саммер? – Голова Итана выглянула из-за края дивана. Его глаза олененка Бэмби встревоженно смотрели на меня. – В чем дело?

– Не могу, – буркнула я и буквально поползла назад. Мое сердце билось слишком быстро. От паники. От желания. От всего этого. – Прости, я не могу этого сделать, Итан. Это... это неправильно.

Наконец мне удалось высвободить ноги из одеяла и подняться. Словно ужаленный тарантулом, Итан тоже вскочил и схватил меня за запястье. Его пальцы так крепко вцепились в мою кожу, что я съежилась от боли. Тут же парень ослабил хватку, но решительное выражение не исчезло с его лица.

– Не убегай, Саммер. Как ты можешь говорить, что это неправильно? Разве ты не испытываешь то же самое?

Он положил мою руку на свою широкую грудь, чтобы я могла почувствовать его сердцебиение. Быстрое и сильное.

– Вот что ты делаешь со мной. С тех пор, как я научился думать. Не было ничего лучше этого момента, и ты это знаешь.

Кровь отхлынула от моего лица.

– Итан, мне очень жаль. Думаю, нужно немного времени, чтобы я могла осмыслить происходящее.

– У тебя было двадцать лет, – фыркнул Итан. Его рука, все еще держащая мою, дрожала. – Я безумно долго ждал. Ждал, когда буду готов признаться. Ждал, пока ты будешь готова понять, что происходит между нами. Но знаешь что? Может

быть, нет идеального времени. Возможно, есть только я, ты и то, что мы чувствуем.

– И что ты чувствуешь? – спросила я, давным-давно зная ответ.

– Я люблю тебя, – выпалил Итан. Его грудь резко поднялась и опускалась. Он взглянул на меня, и в его глазах снова появился страх. Страх быть раненым, страх чувствовать, страх надеяться, страх быть отвергнутым. Не совсем неоправданно. Как будто в глубине души он уже догадывался о моем ответе. Находясь в смятении, я открыла рот, но не издала ни звука.

– Скажи, – потребовал Итан, притягивая меня ближе, – скажи, что ты тоже любишь меня, Саммер.

– Итан... – вот и все, что мне удалось произнести. Мое сердце оказалось в полной растерянности, а мозг уже давно не работал. – Ты... ты знаешь, что я тоже, – наконец выдавила я. И, хотя мои слова звучали как ответ, который он хотел услышать, мы оба понимали, что это не так.

Его лицо мгновенно потемнело.

– Да, но я хочу, чтобы ты меня любила, – прерывисто проговорил он, словно с трудом выталкивая изо рта каждый звук.

– Я... мне так жаль.

Итан резко отпустил меня, словно обжегся. В его обычно веселых глазах стояла такая боль, что мне самой стало больно.

– Чего тебе жаль? – тихо спросил он. – Что ты не можешь дать мне ответ? Что не хочешь быть со мной? Или что ты разбиваешь мне сердце?

– Я никогда этого не говорила, – выпалила я.

Что вообще происходит? «Ты теряешь своего лучшего друга», – прошипел хриплый голос внутри меня. Другая часть меня заметалась в панике. Нет, нет, нет, я не должна потерять Итана. Он все, что у меня есть. Он... моя семья. Моя семья, а не мой друг. Наверное, в этом весь смысл.

– Нет, – отрезал Итан и отступил на шаг, – ты сделала это.

– Итан, мне жаль. Мне просто нужно немного времени, чтобы... чтобы...

Действительно, чтобы что? Выпрыгнуть из окна?

– Все в порядке, – прошептал Итан и грустно улыбнулся мне. Его глаза потемнели еще больше, пока не стали почти черными. – Ты ничего никому не должна. Мне жаль, что я вообще начал это.

Потом повернулся и едва ли не бегом покинул гостиную.

– Итан, – крикнула я ему вслед и, как и прежде с мамой, ответом мне стала только хлопнувшая дверь.

4

Мои пальцы уже довольно долго лежали на клавишах пианино, а я не сыграла ни одной ноты. Мысли вертелись в голове, не давая мне покоя. При воспоминании о выражении лица Итана, когда он отпрянул от меня, сердце судорожно сжалось. Мне было так больно за него. Ненависть к себе, последовавшая за этим осознанием, едва не лишила меня дыхания.

Как я могла так поступить с Итаном? Почему не ответила «да», когда он спросил, действительно ли я его люблю? Не просто как друга, а как... мужчину. Ведь в этом нет ничего сложного. Этот парень – все, о чем я только могла мечтать. Никто не знает меня лучше его, никто настолько не заботится обо мне и никто так ласково не берет меня за руку, как он. Я ничем не заслужила встречу с таким замечательным парнем, как Итан. Это он достоин лучшего, девушки без постоянной головной боли, той, которая будет ладить с ним, веселиться и наслаждаться жизнью. А я... ну это всего лишь я.

Застонав, я опустила голову на прохладные клавиши. Они издали такой противный звук, что я даже вздрогнула. Внутри меня творилось нечто похожее. Неправильное, неискреннее, некрасивое. Вздохнув, я захлопнула крышку пианино и подняла глаза. День близился к вечеру. Около полудня я слышала, как Роза убирает завтрак, после чего она ушла. Я

находилась одна и понятия не имела, что теперь делать. Наверное, в первую очередь мне стоит что-нибудь съесть, ведь желудок урчит уже давно.

Кряхтя, словно старушка, я поднялась по лестнице в свою комнату, небрежно бросила мятое синее платье на кровать и вместо него надела шорты и поношенную футболку Ксандера. Устало взглянула на себя в зеркало. Длинные светлые волосы растрепаны, а под светло-кариими глазами, которые сейчас укоризненно смотрели в ответ, залегли глубокие тени.

«Как ты могла причинить боль единственному человеку, который всегда был рядом с тобой?» – спросил внутренний голос.

– Мне так жаль, – прошептала я сама себе и сглотнула. Затем скрутила волосы в небрежный узел и снова спустилась вниз, чтобы приготовить себе что-нибудь поесть.

Однако когда я открыла холодильник, там царила зияющая пустота. В отсеках нашлись только сморщенный зеленый перец, соус шрирача и оливки. Вздохнув, я нагнулась и порылась в морозилке, обнаружив там мороженое с соленой карамелью. Ну что ж, отчаянные ситуации требуют отчаянных мер. К черту фигуру.

Я прошлепала босыми ногами в гостиную, опустилась на мягкие подушки и включила телевизор. Злясь на испытываемую сейчас жалость к себе, я ложкой запихивала в рот мороженое и смотрела какой-то сериал, от которого у меня уже через мгновение заболела голова. Судя по всему, фоновую

музыку очень небрежно сыграли, потому что я слышала дисгармонию почти в каждом втором такте. И пусть настолько мизерные отклонения не заметил бы ни один нормальный человек, но они заставили меня содрогаться. Такое чувство, будто кто-то царапал доску острыми гвоздями.

Я продолжала листать каналы, пока не наткнулась на детскую передачу, чей ритмический фон оказался так прост, что я, наконец, смогла ее спокойно смотреть. Я вновь и вновь мысленно прокручивала историю с Итаном. Почему я его отвергла? Он ведь просто великолепный парень. Предел мечтаний. Умом я прекрасно понимала это, но все же сердце оставалось странно спокойным. Ах! Что со мной не так?

Вздыхнув, я отложила мороженое, опустила голову на край дивана и заставила себя отвлечься от яркого мерцания рекламы. Она так громко звучала, что я едва расслышала глубокий голос говорившего.

– Три недели – шесть городов – незабываемые впечатления: добро пожаловать на фестиваль «Зажигай»!

Далее следовали образы восторженной толпы, вскидывающей руки вверх. Синие, красные и желтые огоньки мерцали вокруг танцующих. Туман окутывалдвигающиеся в такт полуголые тела с покрытой бисеринками пота кожей. Мелькали смеющиеся лица, летящие волосы, цветные напитки и разные города.

Нью-Йорк.

Орландо.

Лас-Вегас.

Лос-Анджелес.

Даллас.

Новый Орлеан.

В конце показали гигантскую сцену, на которой стоял один-единственный диджей. Молодой человек запрокинул голову в экстазе. В мерцающем освещении его черные волосы сияли, как воронье оперение, в то время как перед ним волновалась толпа. Огненные столбы взлетели со сцены и распростерлись позади диджея, как горящие крылья. Падший ангел с бледной кожей и черными волосами.

– Легенды никогда не умирают, – тихо прочла я, когда реклама закончилась. Медленно моргнула. Ролик длился не больше двадцати секунд, и все же я почувствовала легкое головокружение.

Неужели забывала дышать?

Ксандер будет участвовать в этом фестивале, и, очевидно, он не преувеличивал. Кажется, мероприятие будет на самом деле грандиозным. Легенды никогда не умирают. Станный слоган, но каким-то образом он соответствовал увиденным мною изображениям. Эта сцена...

Лично мне фестивали всегда представлялись совершенно иной вселенной. Мрачной, таинственной, свободной и полной людей, излучающих необузданную энергию. Я неожиданно поняла, почему Ксандер так любит этот мир, и впервые испытала нечто вроде разочарования оттого, что не мо-

гу быть его частью. Потому что... Хотя почему бы и нет?

«Потому что ты жаждешь приключений, но не желаешь покинуть свой стеклянный дом. Потому что ты трусиха и ничем не рискуешь. Вот почему!» – заявил злобный голос в моей голове. Я тут же сгорбилась. А ведь и правда. Я самая настоящая трусиха. К тому же грустная и уставшая. Мне следовало... следовало...

Я резко зажмурилась, когда звук дверного звонка вырвал меня из водоворота невеселых размышлений. Выплюнула попавшую в рот прядь волос и, нахмурившись, встала.

– Кто там? – поинтересовалась я в домофон.

– Саммер... вот Итан, твой лучший... лучший друг. – Понеслась икота, за которой последовал пьяный смех.

– Итан? – обеспокоенно произнесла я и распахнула дверь. Это и в самом деле оказался Итан, но с таким ужасно бледным лицом, что сейчас он больше походил на труп. Парня так сильно качало, что, казалось, он едва держится на ногах.

– Мне жаль, – пробормотал он.

Сделав шаг вперед, я попыталась поддержать парня, но едва не согнулась до земли под его весом.

– Черт, ты пьян! Что случилось, Итан? – спросила я, желая в этот момент обнять его и никогда больше не отпускать от себя. Меня переполняли противоречивые эмоции, да и сама я человек с особенностями. Такая вот сложная девушка со сложными чувствами, которая запуталась в своих эмоциях. Класс.

– Я облажался, – пробурчал Итан, снова покачиваясь, и я покачнулась вместе с ним.

– Ну тогда иди сюда, мой здоровяк. Обопрись на меня, – скомандовала я, перекинув его руку себе через плечо и помогая переступить порог. Таким образом мы потихоньку миновали коридор. Когда Итан в очередной раз вздохнул, я для успокоения шептала ему на ухо всякую чушь.

Мы как раз проходили мимо кухни, когда он рывком остановился. Его тело задрожало и стало таким тяжелым, что я чудом не потеряла равновесие.

– О нет, Итан, не падай, – в панике взвизгнула я, прижимаясь к нему. Его лицо побелело еще больше, сравнившись цветом со стеной.

– Я должен...

Друг не закончил фразу, содрогнувшись от рвотного позыва. На какой-то запредельной скорости он оторвался от меня и бросился к раковине. Склонившись над ней, в следующую секунду Итан изверг из своего желудка литра три алкоголя, не меньше.

– О-о-о, – стонал он, пока я быстро доставала из морозильника и клала ему на шею пакет со льдом.

– Не волнуйся, уже почти... боже мой, Итан!

Я с ужасом наблюдала, как мой лучший друг едва не изгоняет душу из тела. Мне не оставалось ничего другого, как гладить его по спине и ждать, пока худшее закончится.

– Ты сможешь подняться наверх, в мою комнату? – осве-

домилась я. Итан лишь покачал головой, давая понять, что поход наверх ему сейчас не по силам.

Поэтому я дотащила его до дивана. Сняла с него ботинки и небрежно бросила их на пол. А после укрыла своего друга пледом.

И только я собралась сходить еще за одним стаканом воды, рука Итана метнулась вперед, сдерживая меня. Он тяжело дышал и щурился.

– Саммер, дом кружится, – промямлил он.

– Это не так, ты просто напился в хлам, – сухо ответила я.

– Я больше никогда не буду пить.

– Я напомню тебе об этом на следующей неделе.

– Саммер?

– Да, Итан?

– Ты не любишь меня, не так ли? – на выдохе произнес он.

Обхватив ладонью его пальцы, я опустилась на корточки и обняла друга. Он всхлипнул и зарылся лицом в изгиб моей шеи.

– Конечно, я люблю тебя, Итан, – прошептала я, глядя его по волосам. – Сильнее, чем ты думаешь.

Парень молчал. До тех пор, пока я не решила, что он заснул. Но стоило осторожно отстраниться, Итан тут же удержал мою руку и посмотрел на меня блестящими глазами.

– Я переспал с Шейлой, – внезапно сообщил он.

Я застыла.

– Ты... что?

Итан фыркнул.

– Между нами что-то есть. Ничего серьезного, только ради развлечения. Я думаю, она хотела бы большего, но я ничего не хотел из-за тебя...

Он не закончил. Мне почему-то представилось, что его слова повисли между нами, и я рассматриваю их со всех сторон. Итан и Шейла. Сама идея казалась странной и совсем мне не нравилась. Я действительно сложная девушка со сложными чувствами.

– Даже так, – произнесла я наконец только потому, что понятия не имела, как облечь свою эмоциональную неразбериху в слова.

– Ты ненавидишь меня сейчас? Пожалуйста, не ненавидь меня, – прошептал Итан.

– Дурак, конечно, я тебя не ненавижу. И никогда не смогу, – ответила я и поцеловала его в лоб.

Он вздохнул с облегчением и закрыл глаза.

– В самом деле никогда?

– Нет, если только ты не станешь сумасшедшим сталкером, не убьешь мою золотую рыбку и после этого не сожжешь мой дом.

– Ммм... у тебя нет золотой рыбки, Саммер.

– Хорошо, что ты напомнил мне об этом.

– Да... Саммер? Что мы теперь будем делать? – пробормотал он.

– Купим аквариум?

– Нет, серьезно.

– Сейчас мы совершенно серьезно немного поспим. А дальше посмотрим, – пообещала я, осторожно отходя.

– Ладно... – прошептал он.

– Спи спокойно, Итан.

Я встала. Нежный лунный свет проникал в гостиную, раскрашивая комнату серебром. Приоткрыв рот, Итан тут же начал храпеть. Как всегда.

Я грустно улыбнулась и уставилась на него, размышляя, что мне теперь делать. Он потребует от меня ответа. Рано или поздно мы вернемся к этому разговору, и я очень сомневалась, что решусь сказать ему правду. Тем более я и сама не знала, какова эта правда. Кто для меня Итан? Лучший друг или парень? И кем бы я хотела его видеть? Этот вопрос сковал мне горло.

Оторвав взгляд от спящего парня, я скользнула им к кухонному столу. На нем продолжал лежать белый конверт. Билет на самолет. И пусть в сегодняшнем бедламе я совсем забыла о нем, но сейчас в моем уставшем мозгу довольно резво закрутились шестеренки. Я подошла ближе, взяла конверт и взвесила в его руке. Что там говорила мама? Что можно выбрать любую дату? Я могу лететь, когда захочу?

На дворе конец июня. На следующей неделе начнутся каникулы, а в конце июля – прослушивание. По крайней мере, так было написано на сайте Нью-Йоркского оркестра. Снова посмотрев на Итана, я осознала, что мне требуется время.

Время для себя. Время без него. Пора разобраться, чего мы в действительности хотим. Сколько я себя помню, мы не расставались ни на день. Вдруг из-за такой близости мы упустили из виду то, кем являемся на самом деле. Друг без друга. Возможно, нам лучше немного отдалиться, чтобы умом понять то, что сердцем чувствовали в течение долгого времени. Или наоборот. До меня внезапно дошло, что нужно бежать отсюда. Подальше от мамы, от Итана, от повседневной жизни. Прежде чем я дам ему заслуженный ответ, мне придется научиться быть храброй. Я должна это Итану. И себе самой.

Мои пальцы слегка дрожали, когда я вытащила из кармана мобильный и набрала номер. Раздался первый гудок. Второй. Третий. Как раз в тот момент, когда я подумала, что вот-вот включится автоответчик, в трубке щелкнуло, и прозвучал знакомый голос:

– Сэм-Сэм, как приятно тебя слышать. Что я могу сделать для тебя?

– Прибраться в квартире. Я еду в Нью-Йорк и не желаю видеть девчачьи трусики на кухонном столе, ясно?

5

– Ты уверена, что хочешь этого?

– Да.

На самом деле нет, но отступить было уже поздно. Мы с Итаном стояли у выхода на посадку, когда объявили мой рейс.

– Ты не обязана этого делать.

Он не коснулся меня, просто спрятал руки в карманы и с напряженным выражением лица уставился на улицу.

– Знаю, – отозвалась я, наблюдая, как мимо нас один за другим проносятся самолеты.

Со времени инцидента на прошлой неделе напряженная тишина между нами стала почти нормой. Никто из нас не осмеливался смотреть другому в глаза. Мы кружили друг вокруг друга, словно два неловких пингвина, но все равно топтались на месте.

Снова объявили мой рейс, отчего мы оба вздрогнули.

– Итак... – начал он, переступая с ноги на ногу.

– Да... – произнесла я, повторяя его движение. Боже, из нас получились бы два отличных пингвина.

Итан вздохнул и провел рукой по волосам. Потом повернулся ко мне и устало улыбнулся. Под его глазами залегли тени. Они не исчезли после прошедшей ночи, и мы оба знали, что в этом виноват не алкоголь.

– Хорошо, Саммер, – тихо сказал он и, прежде чем я успела продолжить, заключил меня в крепкие объятия и зарылся носом в изгиб моей шеи. – Я приеду к тебе в гости. Обещаю, – прошептал он.

Некоторое время я колебалась, но потом закрыла глаза и сжала его в объятиях так крепко, как только могла.

– Буду с нетерпением ждать этого, – прошептала я в ответ, чувствуя, как дрожат руки Итана у меня на спине.

– Прости, – проговорил он, отстранился от меня и исчез в толпе.

Я неподвижно уставилась ему вслед, ощущая себя самым отвратительным человеком во всем мире.

– И ты меня прости, – прошептала я, – за все.

Потом медленно добрела до очереди на рейс до Нью-Йорка и протянула посадочный талон довольно задерганной стюардессе. Она лишь торопливо махнула мне рукой. Пока я проходила по телескопическому трапу в самолет, слушала, как каблуки моих туфель стучат в такт ударам сердца. Когда искала свое место – как шелестят моя юбка до колен и простая белая блузка. В салоне уже скопилось столько народу, что, казалось, он вскоре лопнет по швам. К счастью, я забронировала билет в первый класс.

Полет займет почти пять часов, и я испытаю истинное удовольствие, когда наконец выберусь из этого тесного, шумного жестяного ящика. Хотя я и не особо боюсь летать, но от давления на уши у меня немного кружится голова, и я на

несколько часов остаюсь дезориентированной. Увы, мои слуховые проходы самые настоящие стервозные недотроги.

Сложная девушка со сложными чувствами и сложными ушами.

Наконец я нашла свое место. Здесь, в первом классе, имелось всего два кресла в ряду, и у прохода уже кто-то сидел. Судя по всему, это был парень, но я не сумела разглядеть его лицо под кепкой и черным капюшоном над ней. Просто гигантские наушники почти герметично закрывали его голову. И, к сожалению, он так раскинул свои длинные ноги, что мне пришлось бы перелезть через него, чтобы занять свое место.

– Извините, – сказала я, – вы не позволите мне пройти?

Парень даже не пошевелился, и когда я попыталась заглянуть ему в лицо, увидела, что он еще и в темных очках, так что из-под кепки выглядывал только бледный подбородок. Что это? Подражание «Людам в черном»? Или он боится, что будет блестеть на солнце? Меня бы это не беспокоило, пропусти он меня.

– Мне нужно пройти, – произнесла я громче, но на самом деле можно было не тратить слова. Музыка в его наушниках звучала так громко, что, скорее всего, он уже давно потерял слух.

– Извините, мисс, мы скоро взлетаем. Пожалуйста, присядьте и пристегнитесь, – попросила стюардесса, глядя на меня так, будто я сорвала план полета.

– Конечно, – согласилась я, делая шаг к молодому чело-

веку и похлопывая его по плечу. Он наконец отреагировал, вяло повернув голову в мою сторону. – Мне. Нужно. Пройти! – громко проговорила я, указывая на его ноги.

На секунду показалось, что я заметила черную бровь, которая насмешливо приподнялась, прежде чем парень медленно притянул к себе ноги. Я фыркнула и поспешно протиснулась мимо него. При этом за что-то зацепилась каблуком туфли, потеряла равновесие и ударилась плечом о его грудь. Молниеносно обвив руками мою талию, он поймал меня и поддержал, пока я хватала ртом воздух.

– Вам действительно нужно пристегнуться, мисс, – нетерпеливо прошипела стюардесса.

Я зло покосилась сначала на нее, потом на парня, который с явным удовольствием давился смехом. Высокомерная задница. Неловко плюхнувшись на свое сиденье, я запихнула под него сумочку и пристегнулась. Полет еще не начался, а я уже начала нервничать.

Стюардесса наконец отошла от нас, и когда самолет взлетел, я достала из кармана телефон и выбрала «Сонату для фортепиано № 14» Бетховена. Парень рядом со мной больше не двигался. Я хотела бы игнорировать его так же, как он игнорировал меня, только вот его музыка играла настолько громко, что полностью заглушала мою. Она заставляла сиденье буквально вибрировать. Но громкость – это полдела. Песня спотыкалась от одной дисгармонии к другой, и каждый пронзительный звук заставлял меня съеживаться. Что

за хлам он слушает?

Я поджала губы и решила отрешиться от происходящего. Я спокойный человек. Оммм... Я не кричу на незнакомцев только потому, что их музыка насилует уши. Оммм... Я вообще не представляю, каково будет сунуть его лицом в унитаз. Оммм... Я как раз начала немного расслабляться, когда Бетховена прервала пронзительная электронная мелодия. Ноты были настолько неправильными, что словно иглы вонзились в мой мозг. А-а-а! Вот тут меня понесло! Я вытащила беруши и, не задумываясь, схватила его наушники и сорвала их с головы.

– Может, ты перестанешь насиловать мои уши?

Он повернул голову, и я почувствовала на себе его взгляд. Затем парень наклонился ко мне. Я инстинктивно вздрогнула, когда его пальцы сомкнулись на моих. Они оказались длинными и тонкими, как у пианиста. Сосед ловко выхватил у меня наушники и дважды постучал по левой части.

Тотчас же музыка стала тише.

– Лучше? – насмешливо поинтересовался он, и уголки его рта дернулись. Его голос звучал невероятно грубо и хрипло, словно парень выкурил три пачки сигарет. Тем не менее в нем было нечто такое, отчего у меня по спине побежали мурашки.

– Да, – выдавила я.

Еще на секунду задержав на мне взгляд, сосед снова надел наушники и со скучающим выражением лица отвернулся.

Черт возьми! Что не так с этим парнем? Демонстративно глядя в окно, я проклинала пять часов полета, которые мне все еще предстояли.

Лучше?

Пффф. Засунь куда подальше свое лучше.

Испытывая головную боль, я закрыла глаза и снова потерялась в фортепианной сонате Бетховена. Пульсация отражалась в моем теле, заставляя клетки вибрировать, а пальцы слегка подергиваться. Меня охватила невероятная тоска по игре на пианино. С тех пор, как между мной и Итаном произошел тот разговор, мне стало трудно погрузиться в музыку. У меня появилось непроходящее ощущение, что все, что я играю, звучит неправильно. Так было всегда. Когда что-то выводило меня из равновесия, мелодия внутри меня звучала так, будто ее играют на расстроенном инструменте. Я вздохнула, еще более напряженно вслушиваясь в сонату, но шум от парня рядом со мной продолжал пробиваться сквозь музыку. Он снова сделал громче?

К счастью, он, по-видимому, включил что-то другое, и сейчас звуки стали глуше. Играл какой-то сумасшедший и навязчивый бит, напоминающий пульс дикого животного. Сама того не желая, я наострила уши и начала слушать его музыку вместо своей.

Интересно, что это за композиция? Каждый звук пульсировал в моей груди, как второе сердцебиение. Вибрация ощущалась, словно легкое дрожание кресла. Я глубоко вдох-

нула, чувствуя, как мелодия горячей волной прокатывается по мне, только чтобы медленно отступить назад, освобождая при этом Бетховена. Микс казался ужасно сумбурным и вызывал у меня мурашки по коже.

Что-то зашевелилось у меня в мозгу и начало жить собственной жизнью. Звуки росли, кружились друг вокруг друга, соединялись, чтобы сформировать свободно плавающие звуковые структуры, и наконец слились воедино, чтобы сформировать мелодию. Это все. Я открыла глаза и стала рыться в сумочке. Нашла бумагу с ручкой и записала первые аккорды того мотива, который заставлял танцевать мои клетки. Смелым и энергичным почерком вывела абсолютно беспорядочные ноты, и только я знала, что из этого получится в конце. Но дело даже не в этом, гораздо важнее то, что я успела уловить то, что слышала и чувствовала прежде, чем оно исчезло. Как обычно, я полностью отключилась, испытывая эйфорию, когда писала музыку, нота за нотой, строчка за строчкой. Черные значки наполнили белый лист дикой жизнью.

– Будет звучать лучше, если ты добавишь сюда проигрыш, – вывел меня из транса хриплый голос.

Испытывая почти физическую боль, я подняла глаза и оказалась в реальности. Тонкий палец лег на мой музыкальный лист и постучал по определенному месту.

– Поставь сюда проигрыш и сделай это на пятьдесят ударов в минуту быстрее, – произнес голос, отчего у меня по

спине пробежали мурашки, и я съежилась.

– Это не сработает, – фыркнула я слишком резко.

Парень хмыкнул.

– И все же, – просто сказал он и встал.

Я озадаченно уставилась на его спину. Мой сосед действительно оказался высоким и очень стройным, почти что худым. Я успела обратить внимание на низко сидящие на его бедрах джинсы, а затем он закинул рюкзак на плечо и ушел...

Я испугалась, осознав, что мы приземлились. Когда это произошло? Сколько я сочиняла? В следующее мгновение передо мной снова появилась стюардесса и кровожадно мне улыбнулась.

– Мы приземлились, мисс. Прошу вас выйти.

– Я... да, конечно.

Торопливо запихнув бумажку и ручку обратно в сумку, я на ватных ногах покинула самолет. Я шла последней. Судя по всему, парень сидел до последнего, наблюдая, как я пишу.

Должно быть, он с самого начала смотрел на бумагу и вместе со мной читал записи, иначе никогда бы не разобрался в моих запутанных каракулях. Эта мысль снова заставила меня вздрогнуть и задуматься, хорошо это или плохо.

Обычно, когда я сочиняла, люди никогда не находились так близко ко мне. Итан считал, что, уходя в свой музыкальный мир, я становлюсь колючей, словно еж, и что лучше держаться от меня подальше, если ты хоть сколько-нибудь це-

нишь свои конечности.

Впрочем, парня это, похоже, мало впечатлило. Так что он либо до смерти глуп, либо досадно высокомерен. Или все вместе, потому что он даже поправил меня.

«Поставь сюда проигрыш».

Я возмущенно фыркнула. Что за урод!

На выходе из самолета я сразу же прищурилась из-за палящего солнца Нью-Йорка. С берега дул соленый ветер, даруя немного прохлады. Я испытала острую необходимость выпить кофе, чтобы стимулировать кровообращение, да и желудок мой уже невесело урчал. В Аризоне было раннее утро, а здесь, в Нью-Йорке, с учетом разницы во времени, минуло три часа дня.

Вздохнув, я спустилась по трапу и начала осматриваться в лабиринте аэропорта имени Джона Ф. Кеннеди. Толпа толкала меня туда-сюда, и я ощутила легкий приступ клаустрофобии, когда забирала свой багаж. Чтобы выудить его, пришлось едва ли не драться. Я поспешно уклонилась от старушки, которая использовала свою трость как дубинку, и в процессе почти наткнулась на семью, где родители держали детей на поводке, будто собак. «Никогда больше не буду летать», – с раздражением поклялась я себе, когда наконец сняла свой синий чемодан с конвейерной ленты.

– Берегись, блондиночка, – рявкнул какой-то парень и с такой силой толкнул меня в сторону, что я почти упала. Я отчаянно взмахнула руками и схватилась за стоящего побли-

зости человека, который, к счастью, удержал меня.

– Спасибо, – вздохнула я и подняла взгляд.

Серые, отливающие сталью глаза встретились с моими. Насмешливая улыбка искривила рот, верхняя губа которого выглядела чуть полнее нижней.

– Подумай о проигрыше, – прошептал на ухо сосед из самолета, поднимая меня на ноги.

При этом моя ладонь каким-то образом оказалась на его руке, и я ощутила не слишком накачаные, но достаточно четко выраженные мышцы. От моего прикосновения они дернулись, как будто я ударила парня током. Большие наушники лежали у него на шее, и пока в моих ушах продолжал звучать грубый голос, он отстранился и непринужденно исчез в толпе.

Почему-то у меня сердце буквально выпрыгивало из груди.

– Идиот, – пробормотала я парню вслед и крепче схватила ручку чемодана. Если альтернативой Итану являются такие типы, я предпочла бы остаться со своим лучшим другом.

Я как могла пробиралась сквозь толпу к выходу. Турникет буквально выплюнул меня в вестибюле, и я покрутилась вокруг своей оси, совершенно дезориентированная. Где Ксандер? Внутри меня разлился обжигающий жар, ведь мы не договорились о месте встречи, а мой брат так же, как и я, имел проблемы с ориентацией в пространстве.

Я остановилась и сделала глубокий вдох, ощущая, как

на меня обрушиваются бесчисленные звуки, образы и запахи. Дрожащими пальцами я отыскала в кармане беруши. Но как раз когда вытащила их, по залу разнесся пронзительный свист, заставивший меня вздрогнуть. Взгляд тут же упал на светловолосого парня, который, широко ухмыляясь, поднял гигантский плакат. В этот миг я поняла, что зря приехала в Нью-Йорк. Люди вокруг уже остановились, посмотрели сначала на моего брата, потом на плакат и разразились громким хохотом. Я почувствовала, как мои щеки наливаются румянцем, и почти бегом бросилась к брату.

– Ради бога, Ксандер. Пожалуйста, скажи мне, что держишь не мою фотографию в двухлетнем возрасте в костюме пчелы, на которой написано «Сэм-Сэм, жужжи к своему брату».

– Вот и моя пчелка, – совершенно бесстыдно воскликнул Ксандер, взяв в одну руку несуразный плакат, а другой притянув меня к себе. Как он умудрялся одновременно гладить меня по волосам и подмигивать хихикающим девушкам, осталось для меня загадкой.

– Ксандер, – я оттолкнула от себя близнеца, – перестань меня смущать!

– О, я тоже скучал по тебе, моя милая, – заявил он. – Дай полюбоваться на тебя. Мне только кажется или ты выросла? И это настоящие или ты что-то запихнула в лифчик?

– Ксандер, – прошипела я, толкая его в плечо.

В ответ он театрально фыркнул.

– Моя маленькая пчелка превратилась в женщину.

Застонав, я подавила порыв спрятать лицо руками.

– Я совсем забыла, как ты раздражаешь.

– А я – как весело тебя дразнить.

Мы посмотрели друг на друга и звонко рассмеялись.

– Рад, что ты здесь, Саммер, – сказал Ксандер, когда мы снова обнялись, и поцеловал меня в кончик носа.

Улыбаясь, я потянула его за украшенное серебряными кольцами ухо.

– Рада, что могу быть с тобой.

Ксандер лучезарно улыбнулся мне, и его светло-карие глаза заблестели.

– Всегда. Я даже прибрался, – гордо похвастался он, убирая волосы со лба. А потом поднял мой чемодан и направился к подземной парковке.

– Ты же в курсе, что класть посуду в раковину не считается уборкой, верно? – поддразнила я, когда мы спустились на лифте, наконец сбегая от толпы в аэропорту. Головная боль сразу утихла, и я с облегчением следовала за братом до его машины. Но стоило ему остановиться, и я замерла как вкопанная.

– Что это, черт возьми? – ужаснулась я, указывая на автомобиль перед нами.

На щеках Ксандера показались ямочки, когда он нажал на брелок сигнализации. Монстр перед нами моргнул и бесшумно поднял крышку багажника, очень напоминая при

этом акулу на колесах.

– Это, моя маленькая невежественная провинциалочка, «Ламборгини».

– На этой штуке действительно можно ездить или она просто компенсирует маленький член? – скептически осведомилась я.

Брат фыркнул и бросил мой чемодан в багажник.

– Во мне нет ничего маленького, Саммер.

– Но я видела фотографии, на которых все выглядит несколько иначе.

Он закатил глаза.

– Залезай, и узнаешь, на что способна эта малышка.

Я с большой неохотой подошла к автомобилю. Двери состояли преимущественно из стекла и поднимались вверх. Кузов лежал так низко на дороге, что я не села, а скорее вползла в салон и тут же утонула в кремовой коже. Мой брат весело прыгнул за руль, и дверцы как по волшебству закрылись. Стоило ему завести двигатель, и у меня завибрировало все тело.

– Готова? – невинно поинтересовался братец.

– Не особенно. – Смущенная, я вцепилась пальцами в ремень.

Дьявольское выражение промелькнуло на лице Ксандера, когда он включил передачу и вдавил педаль газа. Машина рычала и прыгала, как пантера. Я взвизгнула. Через мгновение позади нас взревел еще один двигатель. Глаза моего бра-

та метнулись к зеркалу заднего вида, и он помрачнел.

– Черт возьми, что здесь делает Блейзон? – проворчал Ксандер.

Кто? Где? Стремительно дернув головой, я чуть не получила сердечный приступ, потому что мимо нас промчалась такая же претенциозная машина. Только иссиня-черного цвета, и музыка в ней звучала так громко, что парковка буквально содрогалась от нее. Мы поравнялись на короткую секунду, и за рулем я заметила своего «очаровательного» соседа из самолета.

– Высокомерная задница, – прошипел Ксандер и так резко ускорился, что у меня закружилась голова. Второй парень вызывающе прогудел и пролетел мимо нас. – Если говорить о тех, у кого маленький, то ты видела его сейчас, – проворчал мой брат, но, слава богу, сбавил скорость. Я с облегчением выдохнула.

– Кто это? – спросила я, надеясь, что у меня не дрожит голос. Хотя это было больше вызвано стилем вождения Ксандера, чем неожиданной встречей с человеком, который сидел рядом со мной в самолете.

Мой брат закатил глаза, визжа шинами, выскочил из-за следующего поворота и беспрепятственно влился в городское движение.

– Габриэль Блейзон. Диджей, известный под ником 2g4u⁴. В настоящее время портит чарты своим шумом.

⁴ 2g4u (англ. too good for you) – слишком хорош для тебя.

Габриэль Блейзон, значит. От одного звука его имени волосы на моих руках встали дыбом. Я быстро встряхнулась и с содроганием подумала о музыке, которую он слушал в самолете. Самый настоящий мусор. Если у него нет ничего лучше, то Ксандеру нет нужды беспокоиться. Только одна мелодия все еще эхом раздавалась в моей голове.

– Он тоже будет играть на фестивале «Зажигай»? – поинтересовалась я.

– К сожалению, да, – ответил Ксандер. – И его музыка сейчас продается лучше моей. Но для этого здесь ты. Вместе мы напишем песню о том, как у Габриэля Блейзона никогда не получится вытащить себя из высокомерной задницы, – усмехнулся брат, и хорошее настроение снова вернулось к нему. – Я подумал, что сначала мы оставим твои вещи в квартире, перекусим, а затем займемся мозговым штурмом. У нас, к сожалению, нет даже двух недель до того, как песня должна быть готова.

– Нет проблем, думаю, у меня уже есть идея, – призналась я.

То, что Габриэль Блейзон сыграл в этом немаловажную роль, Ксандеру знать не стоило. И Габриэлю Блейзону тоже.

– Ого, прекрасно! – Ксандер посмотрел на меня. – Я так рад, что ты здесь, Сэм-Сэм.

– Да, – улыбнулась я бурной радости брата и снова утонула в мягкой коже, – я тоже.

6

Взгляни в мои глаза,
Что под покровом ночи.
Тебе не спрятать дьявола,
Тебя всю вижу точно.

Планируешь измену, но помни:
Всему заплатишь цену.
И как бы ни хотела,
Тебе не спрятать дьявола,
Тебя всю вижу точно.
Твоих прикосновений мало,
Сливаются огонь и лед, и мы в них таем.

– Сюда надо наложить второй бит, – решил Ксандер и постучал пальцем по бумаге.

На полу творился настоящий хаос. Вокруг валялись листы с нацарапанными фрагментами текста и листы с написанными на них нотами. Между ними лежал ноутбук Ксандера, на котором он время от времени слушал ритмы, играл с ними, снова отбрасывал и загружал лучшие на разноцветную доску сэмплера.

Она выглядела как квадрат с розовыми, желтыми, зелеными и синими кнопками и использовалась для воспроизведе-

ния записанных звуков. Я писала заметки, а Ксандер кое-что добавлял к ним. Меня снова и снова восхищало то, как он мог запомнить, какой звуковой фрагмент сохранил в каком поле сэмплера. Сам по себе сэмпл звучал не очень, но брат играл на этой штуке, как я на пианино, и извлекал из нее звуки, которые в конечном итоге превращались в мелодию. Он добавлял к ней другие треки, которые мы написали, ритм и гармонию, бас и мелодию, всплеск адреналина и гипнотический минимум. Вместе взятые, они вибрировали внутри и заставляли пульс биться быстрее.

Здесь мы создавали всего лишь черновую версию, но это уже сейчас было лучшее, что мы когда-либо писали вместе. Как только мы получили возможность работать в студии с полным оборудованием Ксандера, я начала вносить последние штрихи в мелодию.

– Ты уже нашел певицу? – осведомилась я.

– Да. Сэнди делает это, – пробормотал брат, печатая на компьютере, и немного взвинтил тон.

Я скривилась, когда музыка вдруг стала слишком пронзительной. Ксандер заметил это и подкорректировал высоту тона, пока мелодия не перестала звучать, как бурундук на полной скорости.

– Прости. Сэнди великолепна. Я уже рассказал ей. Встретимся с ней завтра в студии.

– Это, случайно, не Сэнди с размером D? Которую ты хотел уволить после своей последней песни?

– Ну что тут скажешь? – брат криво усмехнулся. – У нее имелось два очень убедительных аргумента.

Я закатила глаза и устало выпрямила спину, бросив взгляд в окно. Пентхаус Ксандера находился в центре Сохо, откуда открывался необычайный вид на весь Манхэттен. На улице стояла ночь, но город сиял и пульсировал, словно в его теле из стали, бетона и стекла билось живое сердце.

– Кстати, завтра у нас назначена встреча с Кейлом, – продолжил Ксандер, зевая. Немудрено. Последние несколько дней мы работали над песней практически без перерыва. Я и сама ощущала, как стонут мышцы от постоянной сидячей работы.

– Кейл? Который отвечает за сценические эффекты?

– Да, тот самый. Мы хотим завтра немного прогуляться по домам и подумать над разными идеями. У «Зажигай» собственное сценическое шоу, но мы должны вносить предложения относительно того, что хотели бы для своего выступления. Не хочешь пойти со мной?

Я заколебалась.

– Нет, пожалуй, я лучше останусь здесь. Мне не будет скучно. У нас с Чарльзом Диккенсом еще одно свидание.

Брат поднял брови.

– Диккенс? Seriously, Саммер? Печальнее, наверное, и быть не может.

– Не все такие литературные невежды, как ты, Ксандер, – фыркнула я.

– Сэм, – строго произнес брат, размахивая указательным пальцем перед моим носом, – ты в Нью-Йорке. При хорошем исходе ты тоже скоро будешь здесь жить. Нельзя вечно запирается в моей квартире, боясь, что мир окажется слишком громким для тебя.

Я стиснула зубы и посмотрела на записи в своей руке.

– Ты несправедлив, Ксан, – пробормотала я. – Ты прекрасно знаешь, почему...

– Поверь, я в курсе, – непривычно жестко прервал меня брат. – Я знаю тебя со дня нашего зачатия, уже забыла? Я знаю, как ты себя чувствуешь, но также знаю, что тебе больше не десять лет. Нельзя вечно прятаться от злого мира. Ты слишком долго жила в своей стеклянной тюрьме. Пойдем со мной на улицу. Познакомься с Нью-Йорком, пересиль себя и докажи, что жизнь может быть прекрасна.

Я смотрела на брата блестящими от слез глазами.

– Ты не понимаешь, каково это. Мне не легчает, а становится все хуже и хуже. Как будто я слышу абсолютно все. Иногда я просыпаюсь по ночам оттого, что мои сны слишком громкие. Я не в силах этого сделать. Мне нравится быть с тобой, Ксан, но я не могу просто окунуться в ночную жизнь, как ты. Мне больно. Физически.

Ксандер задумчиво посмотрел на меня, и что-то в выражении моего лица заставило его оставить эту тему. И пусть уголки его рта расслабились, но все равно чувствовалось, что он разочарован.

– Как хочешь. Но обещаю тебе, что в ближайшие дни выйдешь на час-два. Сядешь в парке и покормишь голубей или пойдешь в музей. Без разницы, чем ты займешься, главное, что не будешь прятаться здесь от мира.

Я как раз собиралась вспылить, когда поняла, что он прав. Я пробыла в Нью-Йорке уже почти неделю, но из всего города видела только этот пентхаус. Свежий воздух – насколько Нью-Йорк мог предложить нечто подобное – пойдет мне на пользу. Только бы освободить голову, чтобы сочинить последний куплет песни.

– Хорошо, я выйду, – пообещала я.

Брат удовлетворенно кивнул, и мы работали вместе так же слаженно, как и раньше, до глубокой ночи. Именно эта неспособность долго злиться и являлась одним из качеств, которые мне нравились в брате.

Наконец мы, усталые, но довольные, закончили работу. Заказали что-то итальянское и с едой устроились в гостиной. Здесь у Ксандера располагался просто гиганский диван. Собственно, не хватало только, чтобы он вращался по кругу. Не знаю, какой комплекс он хотел этим компенсировать, но мне следовало срочно побеседовать с братом о его склонности к огромным, излишне дорогим вещам. Или со своим терапевтом. Или с его декоратором.

Но сейчас мы оба были слишком измучены, чтобы разговаривать. На стене мерцал, конечно же, громадный телевизор. Погрузившись в свои мысли, я не сразу осознала, что

снова и снова включаю и выключаю дисплей на телефоне. Огонек, оповещающий о сообщении, мигнул зеленым. Почему-то представилось, что это Итан умоляет меня обратить на него внимание. Последние несколько дней он раз за разом пытался дозвониться до меня, но до сих пор я только односложно отвечала ему в WhatsApp.

Как ни странно, казалось, что я бы предпочла ответить, не забрасывая он меня сообщениями. В том, как яростно друг требовал моего внимания и как я почти вызывающе отказывала ему, было что-то вроде испытания. Внезапное радиомолчание с моей стороны раздражало нас обоих и явно еще больше подстегивало Итана. Каждую проведенную в разлуке минуту он желал разделить со мной. Даже прислал мне фотографию, на которой сидит в туалете и листает журнал. Я вздохнула и нажала кнопку вызова.

Раздался гудок... еще один... затем еще... пока наконец не включился автоответчик.

– Это Итан Лерой, ты в курсе, что делать.

– Эмм... хэй, Итан. Извини, что я так мало отвечала в последние несколько дней. Ксандер заставил меня изрядно попотеть ради этого фестиваля. – На моем лице появилась легкая улыбка. – Мы работаем над песней безостановочно, и завтра она отправится в студию. После этого я свободна и думаю... – я замолчала, гадая, что мне делать со своей свободой, – думаю, я схожу в Нью-Йоркский оркестр, а потом смогу познакомиться с концертным залом перед прослуши-

ванием, – произнесла я внезапно. – Надеюсь, с тобой все в порядке. Я л... я люблю тебя. – Я быстро завершила вызов и оставилась на мерцающий телевизор.

Брат задремал, запрокинув голову и блаженно похрапывая. Улыбаясь, я убрала прядь волос с его лба, накрыла Ксандера и скрылась в своей комнате для гостей.

Надев футболку, в которой обычно спала, я почистила зубы и легла в огромную пустую кровать. В голове все еще играла песня, над которой мы непрерывно работали в последние дни. Но сегодня я впервые почувствовала, что общая конструкция созрела до такой степени, что ее можно позволить услышать и другим людям. Мелодия получилась мощной, неукротимой, свободной и полной страсти. Каждый, кто обладал ушами, должен был ощутить, как она пульсирует в его жилах.

Взгляни в мои глаза,
Что под покровом ночи.
Тебе не спрятать дьявола,
Тебя всю вижу точно.

С мыслями о песне я и заснула. Сон подал мне руку и потянул вниз. Я опускалась все ниже и ниже, пока не ощутила, как кончики чьих-то пальцев касаются моей руки.

Я почувствовала теплое дыхание на своей шее и вздрогнула, когда голос начал петь первые слова моей песни.

– Ты готова, Саммер Прайс? – прогремел мне в ухо голос,

отчего у меня побежали мурашки по спине.

– К чему? – выдавила я, ощущая, как губы медленно касаются бешено пульсирующей жилки на моей шее.

– К тому, что я переверну твой мир с ног на голову.

– Какого черта?! – задыхнулась я, моргая. Закрыла лицо руками и сплюнула воду.

– Ну наконец-то. Я уже думал, что придется взять садовый шланг, чтобы разбудить тебя, – заявил брат, опуская полупустой стакан с водой, которую, очевидно, вылил на меня.

– Какого черта, – буркнула я, убирая с лица мокрые волосы.

– Ты просто не хотела просыпаться. Снилось что-то хорошее? – Он шевельнул бровями.

– Нет! – солгала я и в ответ получила еще одну усмешку. Темные круги залегли под глазами Ксандера, а его волосы торчали во все стороны. – Что случилось? – спросила я, зевая. – И сколько вообще времени?

Я покосилась на окно, за которым все еще было темно, и удивленно ахнула, когда брат вскочил на мою кровать.

– У меня получилось, Сэм! Оно не давало мне покоя, и я работал над этим всю ночь, но, думаю, теперь у меня получилось. Недостающие ритмы. Посмотри на это.

Он сунул мне под нос записку, и я потеряла глаза. Мне потребовалось немного времени, чтобы расшифровать запутанные каракули Ксандера. Кроме того, на листке было несколько пятен от кофе. Судя по дрожанию пальцев Ксан-

дера, он выпил несколько чашек подряд.

Нахмурившись, я взяла у него из рук записку и напела мелодию.

– Ну? Ну? Ну? – требовал Ксандер, прыгая вокруг, как чихуахуа, которая увидела крекер.

– Это... хорошо, – медленно произнесла я, опуская записку. – Очень даже хорошо!

Ксандер сиял, словно соревнуясь с только что наступившим утром.

– Я знал! Мы справимся, Саммер. Вставай, нам пора!

Он вскочил с кровати и стащил с меня одеяло.

– Прямо сейчас? Куда? – проворчала я и потянула футболку вниз.

– А куда, по-твоему? В студию для записи!

Студия звукозаписи от квартиры Ксандера находилась примерно в получасе езды на машине, но если нестись, как ошпаренная свинья, то потребуется меньше двадцати минут.

И пусть солнце уже взошло, но в этот ранний час улицы мегаполиса пустовали. Пока мимо нас мелькали машины, мосты и небоскребы, я сидела, придерживая свой кофе и прислонясь лбом к прохладному оконному стеклу, и следила глазами за неоновыми вывесками магазинов, отелей и кафе. На первый взгляд Нью-Йорк выглядел полной мне противоположностью: стремительный, яркий, шумный и опасный. Неужели в будущем я хочу жить именно в таком месте? Я попыталась представить, как сажусь в одно из желтых такси, и оно увозит меня на следующий концерт. Я почти слышала, как мои каблуки стучат по мрамору. Видела, как в нем отражается свет люстры, ощущала мягкость красного бархата, которым был обит стул у пианино. Слышала шелест нот, шквал аплодисментов, смех коллег, которые думают, играют и живут так же, как я. В душе поселилось теплое ощущение того, что я нахожусь именно там, где должна.

Да, мне нравились мысли, что сейчас роились в моей голове, но сам Нью-Йорк меня скорее пугал. Если я решу жить здесь, то должна начать меняться. Только как? Как можно измениться, не потеряв при этом себя?

– Мы на месте, – сообщил Ксандер, припарковавшись так криво, что половина машины осталась на дороге. Я открыла дверь и шагнула в яркий солнечный свет.

Напротив меня, раскинув руки и счастливо улыбаясь, стоял брат.

– Добро пожаловать в «JSM Music Inc.», мой второй дом. Я подняла голову и посмотрела на здание перед нами. Хоть и не догадывалась, чего ожидать от студии звукозаписи, но наверняка мне представлялось нечто большее, чем серый комплекс, перед которым на складном стуле сидел лысый старик, курил и читал газеты.

– Доброе утро, Джей, – поздоровался с ним Ксандер.

Мужчина со сморщенным, как изюм, лицом поднял глаза.

– Опять ты, Прайс? – проворчал он. – Я уж думал, что ты оставил музыкальный бизнес и лепишь гамбургеры в «Макдоналдсе».

Ксандер рассмеялся, как будто старик пошутил, но, судя по тому, как Джей оценивал моего брата, вероятно, это не первая музыкальная карьера, конец которой он предвидел.

Джей заинтересованно посмотрел на меня, стряхнул пепел в старую кофейную чашку, а затем кивнул головой в сторону входа.

– Сегодня в вашем распоряжении В2. Никаких глупостей. И никаких обжиманий, ясно?

Это он намекал на меня? Я потрясенно распахнула глаза, но брат уже потащил меня в студию.

– Ксандер! Что имел в виду тот странный тип, говоря про обжимания?

– Джей? Ему принадлежит это место, – ухмыльнулся брат. – Он в курсе всего, что здесь происходит.

Я последовала за Ксандером по тускло освещенному коридору, пол и стены которого выкрасили в серый.

В воздухе пахло влажностью.

– Как-то по-другому я представляла себе студию звукозаписи, – пробормотала я. Ксандер приподнял бровь.

– Все еще жалуешься, но подожди, пока не увидишь всего! – взмахнув рукой, он открыл дверь в студию В2. – Тадаа-ам!

Я заглянула в комнату для записи, привлекая внимание сидевших на старом потертом диване блондинки с длинными розовыми ногтями и двух незнакомых мне ребят.

– Ага! – одновременно произнесли парни, в то время как девушка весело подмигнула нам.

– Эй, – пробормотала я и повернулась к Ксандеру. – Это здесь мы будем заниматься музыкой? – прошипела я, слегка шокированная. Меня потрясли и диван, и стол, заваленный флешками с записями, и буквально сшибающий с ног запах пота и сигарет. Единственным новым предметом оказался плексигласовый экран, за которым, вероятно, находилась аппаратная с оборудованием.

– Замечательно, не правда ли? – восторженно воскликнул Ксандер, бросаясь на диван рядом с взвизгнувшей девушкой.

кой. – Мечта!

– Мечта? – эхом отозвалась я, косясь на коричневое пятно на задней стене и гадая, что это: плесень или раздавленный таракан. – Мечта, как у Мартина Лютера Кинга⁵?

– Мечта как у Ксандера Прайса, – возразил брат, искоса поглядывая на меня. – Прояви немного энтузиазма, Сэм.

Я оскалилась и показала большие пальцы, на что Ксандер лишь закатил глаза.

– Вы скоро будете готовы? Можно начинать? – поинтересовался парень с длинными волосами и пирсингом в ушах, скорее всего, Кейл. Он отвечал за сценическое шоу, и брат уже рассказывал мне о нем раньше.

– Конечно, чувак, – весело проговорил Ксандер. – И чтобы мы все познакомились и полюбили друг друга... – он кивнул в сторону второго парня, – это Брайан, мой звукорежиссер. А это, – он указал на блондинку рядом с собой, – это Сэнди.

Я взглянула сначала на весьма внушительный бюст, и только потом на ее лицо. Девушка оказалась удивительно хорошенькой. Даже слишком. Нос слишком узкий и прямой, щеки слишком высокие, губы слишком полные. Я очень надеялась, что не Ксандер вложил деньги во всю эту красоту.

– Привет, рада познакомиться. Я Саммер, сестра этого идиота, – немного запоздало представилась я и поочередно

⁵ «У меня есть мечта» (англ. «I have a dream») – название самой известной речи Мартина Лютера Кинга, в которой он провозгласил свое видение будущего, где белокожие и чернокожие люди имели бы равные гражданские права.

подала руку всем троим. Парни только кивнули, в то время как Сэнди сделала большие глаза.

– Вау, ты очень круто выглядишь, – произнесла она таким высоким голосом, что меня едва не перекосило. Неудивительно, что Ксандер выбрал эту девушку в качестве певицы. Брату хотя бы не придется искусственно изменять ее голос.

– Спасибо, ты тоже, – вернула я комплимент и случайно наступила на ногу Ксандеру.

– Ау! Ты раздавишь меня! – запричитал он.

– Сам виноват, раз не убрал их, – невозмутимо ответила я.

– Я все еще не понимаю, зачем нам нужна твоя сестра, – сказал Брайан, скептически глядя на меня.

Вообще-то выглядел он неплохо. Зеленые глаза и завязанные резинкой длинные темные волосы. Серебряные цепи болтались на его тонкой шее и от любого движения звенели, как колокольчики. Однако пренебрежительно опущенные уголки рта сразу сделали его непривлекательным с моей точки зрения. Музыкальное сообщество часто довольно сексистски настроено, особенно когда дело касается диджеев. Наверное, по его мнению я в этой студии звукозаписи смотрюсь примерно так же, как сатанист в церкви.

Но прежде чем я успела открыть рот, брат бросил на него предостерегающий взгляд и рывком сел.

– Мы не будем обсуждать это снова. Моя сестра как печать одобрения. Если она находит что-то хорошим, то это на самом деле хорошо.

Брайан продолжал скептически смотреть на меня.

– Она ведь в курсе, что мы не поем здесь церковных гимнов, не так ли?

– Заткнись, – отрезал Ксандер, хлопнув его по затылку. – Честно признаться, чувак, если бы ты не был лучшим в своем деле, я бы давно дал тебе по морде.

Брайан насмешливо фыркнул и встал с кресла.

– Круто, а если бы я не возился с тобой, как с курицей, несущей золотые яйца, то уже трижды оторвал бы тебе голову.

– Ну вот вы и пришли к согласию. Очень мило, – прервала я перепалку и повернулась к брату. – Давай послушаем.

Он кивнул и открыл дверь, ведущую в комнату за плексигласовой стеной. За ней находилось типичное студийное оборудование: компьютеры, коробки и огромный микшерный пульт с микрофоном. Кроме того, имелась еще небольшая кабинка для записи вокала.

Брайан тут же занял одно из вращающихся кресел перед микшерным пультом.

– Покажи ей, – потребовал явно взволнованный Ксандер.

Брайан фыркнул и включил запись. В комнате загремел глухой бас. Мелодия сначала лилась медленно и страстно, а потом поднималась тон за тоном, пока не задрожала и не взорвалась в диком вихре ритма и звука, вибрирующего где-то внутри. Одновременно с металлическим эхом раздался голос Сэнди, с тоской выдыхающей текст. Видимо, не только

Ксандер продуктивно потрудился в эту ночь.

Взгляни в мои глаза,
Что под покровом ночи.
Тебе не спрятать дьявола,
Тебя всю вижу точно.

Следовало отдать Брайану должное, он знал, что делает. Неверно взятые высокие ноты в голосе Сэнди звучали мягче, басы гармонично вписывались в его тональность, но...

– О, черт! Она поморщилась, – застонал Ксандер.

Все недоуменно уставились на нас.

– Ну и что?

– И что? – Ксандер беспокойно провел рукой по своим светлым волосам. – Если Саммер морщится, это баракло! Это означает, что нужно начинать все сначала.

– Что? – возмутился Кейл.

Брайан только фыркнул.

– Ты спятил! Песня получилась отличной, чувак. И это всего лишь проба! У людей снесет от нее крышу, а Сэнди звучит практически как чистый секс.

– Она звучит так, будто ей наступили на хвост, – вмешалась я, бросив на бедную девушку извиняющийся взгляд. – Без обид, Сэнди, но ты неправильно поешь.

– В самом деле? Я что-то не так произношу? – растерянно поинтересовалась она.

– Нет, но ты вкладываешь в слова неправильное чувство.

– Что за чушь несет твоя сестра, – буркнул Брайан, – Сэнди правильно поет слова.

Между бровями Ксандера образовалась глубокая складка.

– Как ей нужно спеть? – спросил он меня.

– Поставь еще раз, – наклонив голову, попросила я Брайана.

Парень выглядел так, словно за критику своей музыки предпочел бы плюнуть мне в лицо, но, несмотря на это, сделал мне одолжение. Я снова поморщилась.

– Нет! Не морщись дважды, – заныл Ксандер.

– Так не пойдет. Сэнди нужно петь немного... злее.

– Злее? – в замешательстве повторили все в один голос.

Я кивнула.

– Песня звучит так, будто читаешь дешевый роман. То, что вы пытаетесь вложить в нее... нереально.

– Сэнди должна петь реалистичнее? Что она несет, Ксан? – расстроено спросил Брайан.

Брат посмотрел на меня.

– Я тоже без понятия. Но Саммер права. Она всегда права. Сэнди, милая, ты можешь снова спеть, просто... более реалистично?

– Хмм... конечно, – согласилась она, робко переводя взгляд с него на меня.

Я кивнула брату и нахмурилась, когда песня возобновилась.

– Кроме того, нужно начать совсем по-другому. Только с

вокала. Ты можешь петь медленно, спокойно и с хрипотцой, Сэнди, но после этого нужно ускориться, стать яростнее и, самое главное, добавить страсти. Ты ненавидишь этого парня и в то же время любишь его, поняла?

– Да, конечно.

Ничего она не поняла, но ей следовало хотя бы попытаться.

Сэнди прошла в кабинку для записи и надела наушники, чтобы слышать ритм, прежде чем начать. Мы же слушали ее голос через динамики в комнате.

Взгляни в мои глаза,
Что под...

– Стоп, – тут же оборвала я ее и покачала головой.

Брайан бросил на меня встревоженный взгляд и дал Сэнди знак остановиться. Она прервалась и вопросительно посмотрела на нас.

– Микрофон включен? – осведомилась я. Ксандер кивнул, поэтому я наклонилась. – Сэнди, ты начинаешь неправильно. Ты должна вложить больше чувства, больше гнева, больше страсти. Ты...

– Как она может неправильно начинать? – прервал меня Брайан. – Пусть она споет эти дурацкие слова, и я добавлю тебе на микшере столько эмоций, сколько захочешь. Все остальное – пустая трата времени.

– Нет, если мы начнем с чистого вокала, то людям нужно что-то в нем почувствовать. И чтобы это удалось, Сэнди сама должна что-то чувствовать. Я представляю себе это так. – Я глубоко вдохнула и запела первый куплет. Когда все вытирались на меня, я остановилась. – Примерно так... – смущенно пробормотала я.

– Ну а потом? – скептически поинтересовался Брайан.

– Потом включай музыку. Первый куплет следует спеть а капелла, а затем ты начинаешь с первой доли.

Брайан поднял брови и посмотрел на Ксандера. Тот сначала прикусил нижнюю губу, потом кивнул.

– Попробуем. Сэнди, давай заново.

Девушка кивнула, а затем пела, пела и пела. Снова и снова я мучила ее, заставляя повторять куплет, пока не только ее голос стал хриплым, а и я сама не охрипла. Ребята погрузились в такое враждебное молчание, словно вот-вот вцепятся мне в глотку.

В конце концов Брайан потерял терпение.

– Так ничего не выйдет! – воскликнул он. – Что бы ты ни вбила себе в голову, Саммер, это не работает.

– Нет, – возразила я, – ты просто не желаешь реализовать это правильно.

– Я же делаю все, что ты говоришь.

– Да, но без всякого желания.

– Саммер, – прервал меня брат, – хватит! Песня хорошая. Я фыркнула, постепенно начиная понимать, почему в по-

следнее время Ксандер пишет такую слабую музыку. Он соглашается с тем, что лепят из него эти ленивые восемнадцатилетние мальчишки – мейнстримовый хлам. Возможно, он хорошо продается, но Ксандер не получает желаемого и не становится тем, кем должен стать.

– Песня должна быть хорошей или выиграть «Зажигай»? – резко бросила я.

Брат скрипнул зубами.

– Давайте сделаем перерыв.

– Хорошо, тогда я сейчас принесу что-нибудь поесть, – предложила я, ощущая, как снова начала болезненно пульсировать голова.

– Подожди, я пойду с тобой, – быстро произнесла Сэнди, снимая наушники.

– Мне нужно пиво! – прокричал Ксандер.

Я покрутила пальцем у виска и вместе с Сэнди вышла из студии. Она тут же повисла на моей руке, словно мы лучшие подруги. Немного раздраженная, я застыла в ее хватке. Ее сладковатый парфюм забивался мне в нос, усиливая головную боль.

– Я так рада, что наконец-то здесь появилась еще одна девушка, – весело щебетала мне на ухо Сэнди, пока мы шагали по узкому проходу к автомату с закусками. – Ты даже не представляешь, насколько скучными иногда могут быть парни. Вот я прихожу в студию рано утром, а чем они занимаются весь день? Курят, пьют пиво и говорят о девушках. –

Она цокнула языком.

– В самом деле? – Я остановилась перед автоматом и бросила на нее озабоченный взгляд. – Ксандер так мало работает?

– В последнее время да, – призналась Сэнди, понизив голос до визжащей версии тихого шепота. – Я думаю, ему немного не хватает вдохновения. Тем лучше, что ты приехала. Сегодня мы достигли большего, чем за последние три месяца.

Девушка лучезарно улыбнулась мне и, если бы я вообразила цензурную полоску для ее груди и глушитель для голоса, она бы мне даже понравилась. Я забросила в автомат денег на батончик мюсли и ущипнула переносицу, когда он упал вниз. Возможно, на сегодня нам стоит расстаться, иначе в конце дня у меня начнется полномасштабная мигрень.

Сэнди всю дорогу продолжала болтать, и пока мы медленно двигались обратно к студии, мне оставалось только время от времени издавать одобрителный звук. И тут я услышала ее.

Его песню.

Она звучала из студии А1, которая располагалась по диагонали от нашей. Над дверью горел красный свет, указывая на то, что идет запись. Я остановилась как вкопанная, внезапно почувствовав себя так, будто весь мир затаил дыхание и слушает только этот голос. И пусть звуки доносились приглушенно, но все же каждый волосок на моих предпле-

чьях встал дыбом. Я никогда не слышала ничего подобного. Этот голос напоминал жидкую карамель, теплую и сладкую. Каждая нота была исполнена безупречно, и в них плескалось такое желание, что мое сердце судорожно сжалось. Правда, кое-что очень мне не понравилось: слова были совсем не романтическими, а скорее напоминали грязный шепот в постели.

Ты произносишь так сладко мое имя,
А я хочу долго и нежно тебя целовать.
Я знаю, что буду гореть в аду,
Но я пойду на все, чтобы заставить тебя кричать.

Своим взглядом способна свести с ума,
Я отдам все, чтобы снова тебя связать.
Я знаю, что буду гореть в аду,
Но я пойду на все, чтобы заставить тебя кричать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.